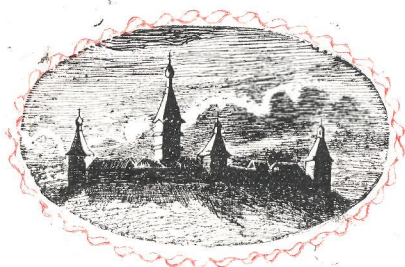

Ф. С. ТОМИЛОВ

**СЕВЕР
В ДАЛЕКОМ
ПРОШЛОМ**

ОРИЗ
АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Ф. С. ТОМИЛОВ

СЕВЕР В ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ

КРАТКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ОГИЗ
АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
I. На заре истории	5
II. Древнейшие обитатели Севера	14
III. Новгородская и московская колонизация Севера	19
IV. Из истории городов Севера	24
V. Монастырская колонизация Севера	29
VI. Борьба Москвы и Новгорода за обладание землями Беломорского Севера	35
VII. Крестьянские поселения на Севере	38
VIII. Общественный строй русского Севера	41
IX. Борьба Севера с интервентами	48
X. Начало заморской торговли	56
XI. Первый порт России	68
XII. Начало кораблестроения на Севере	80
XIII. Культура русского Севера	84
XIV. Заключение	91
Библиография	93

Редактор *Т. Трескина*. Тех. редактор *И. Ткаченко*. Корректор *И. Сазалович*.

Сдано в производство 21 II-47 г. Подписано к печати 3 IX 47 г. Изд. № 3002. Тираж 10000
Форм. бум. 60x92₁₆. Объем 6 печ. л. 1 экз. 3¹⁶ бум. л. 5,330 уч.-изд. л.

Сд-00078

Заказ № 22

Цена 2 руб.

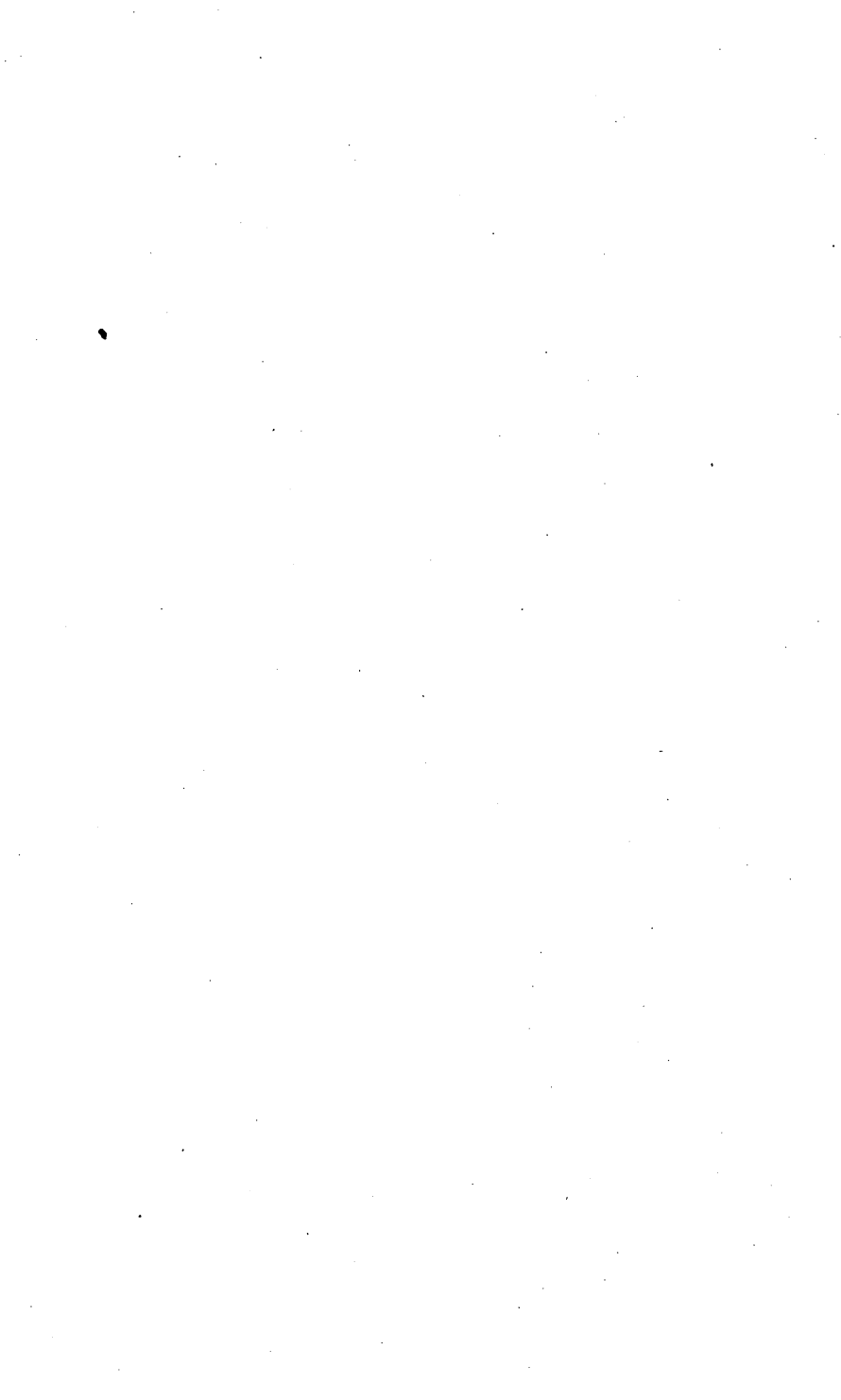
Типография им. Склепана, Архангельск, Набережная имени Сталина, 86.

О Т А В Т О Р А

История нашего Севера еще недостаточно хорошо освещена; хотя и до революции было немало книг, брошюр, справочников и отдельных статей, содержавших богатый фактический материал. Почти все эти работы стали библиографической редкостью, и к тому же многие из них устарели. Авторы, труды которых вышли из печати в последние годы, освещают XIX—XX века и редко затрагивают древнюю историю нашего Севера.

В настоящей краткой работе я попытался осветить для широкого читателя далекое прошлое нашего Беломорского Севера.

За ценные советы и указания приношу благодарность доктору исторических наук профессору М. В. Клочкову, профессору Б. Кафенгаузу и писателю Ал. Морозову.

1. НА ЗАРЕ ИСТОРИИ

Примерно сто тысяч лет назад северная часть территории Европы находилась под мощным ледниковым покровом и была недоступна для человека. Центром европейского оледенения была горная страна Скандинавия.

В доледниковое время на месте современного Скандинавского полуострова, Финляндии и Карелии был расположен высокий горный массив, вершины которого, возможно, и тогда были покрыты снегами и льдами.

Во времена похолодания, когда линия вечного снега на горах проходила очень низко, отсюда стали спускаться в долины и ущелья огромные ледники. Мало-помалу огромная масса льда покрыла всю северную Европу таким же образом, как сейчас покрыты вечным льдом острова Гренландия, Рудольфа и другие.

На территории европейской части СССР ледник двумя потоками по долинам Дона и Днепра спускался далеко на юг, в обход Среднерусской возвышенности. Исследование ледниковых отложений показало, что граница наибольшего распространения ледника идет от верховий реки Печоры к городу Молотову (бывшая Пермь) и через среднее течение реки Вятки — на низовья Ветлуги. Отсюда она резко уклоняется на юг и почти по прямой линии спускается за 50° сев. ш. Затем правым берегом Дона опять поднимается на север — к Туле и вторым выступом спускается в бассейн Днепра, доходя почти до Днепропетровска.

Там, где проходили ледники, лежат слои ледниковых отложений: глины, пески и валуны, вынесенные льдом из Скандинавии. В северных районах ледниковые отложения достигают нескольких десятков метров толщины. Они изменили рельеф местности и перекрыли долины прежних рек. Ледники на пути

своего следования вырыли множество впадин, заполнившихся водой и образовавших десятки тысяч озер, которые мы видим сейчас на северо-западе нашей Родины.

Изучая ледниковые отложения, а также борозды, оставленные ледником на обнаженных твердых породах, ученые определили направление движения ледников и установили, что ледники надвигались с севера на среднюю и северную Европу неоднократно. Таких наступлений ледников или фаз оледенения было четыре.

Что же было причиной оледенения?

Одни ученые предполагают, что оледенение могло произойти в результате перемещения полюса или вследствие значительного поднятия суши. Другие указывают на возможность отклонения теплого течения — Гольфстрема, влияние которого на климатические условия Европы весьма значительно.

Этот вопрос еще не получил в современной науке окончательного разрешения.

С наступлением оледенений животный мир (фауна) Европы начинает приобретать новые черты. Если в доледниковый период в лесах Европы обитали крупные обезьяны, которые ныне встречаются только в тропической Африке, а в травянистых равнинах бродили стада антилоп и газелей, паслись предки нынешней лошади — гиппарионы и древнейшие виды жирафов и носорогов, то с наступлением ледникового периода характер животного населения Европы меняется. В устьях рек появляются первые полярные пришельцы — северные моллюски. В Крыму устраивается полярный песец, современный обитатель холодного заполярья. В Европе водворяются пещерный медведь, сибирский носорог, пещерная гиена, большерогий олень и, наконец, мамонт, становящийся как бы царем этого животного мира.

В эту эпоху люди, умевшие приспособляться к окружающей среде, начинают заселять пещеры, которые им приходится оспаривать у пещерных хищников — медведей, львов и гиен.

В Крыму, на Алтае и Кавказе сохранилось много пещер, служивших жилищем первобытных людей.

Северные поселения людей ледникового периода на территории СССР обнаружены около городов Брянска, Муром и Воронежа.

Древнейшие поселения на русском Севере сперва появились по берегам Белого моря, Ладожского и Онежского озер и впадающих в них рек, а затем распространились до берегов

полярных морей. Об этом свидетельствуют найденные по берегам Кольского полуострова и Беломорья орудия из камня, кости и рога для охоты на диких зверей и рыбной ловли.

Только по берегам Белого моря открыто свыше сорока пяти стоянок. Особенно хорошо исследованы и представляют большой научный интерес стоянки первобытного человека в местечке Кубенине, вблизи Каргополя, и в Зимней Золотице — на берегу Белого моря.

Четыре тысячи лет назад по берегам реки Онеги и озера Лаче жили люди. Они ютились в шалашах, вырытых наполовину в земле и закрытых жердями и слоем дерна. Они уже умели обрабатывать дерево, кость, камни и пользоваться огнем.

Археологическая экспедиция Московского государственного исторического музея в 1928—1931 годах обнаружила в трех километрах от Каргополя, на правом берегу Онеги, в местечке Кубенине, стоянку древнего человека, а также десять древнейших поселений на берегах Лаче, в том числе стоянку «Веретье», на реке Кинеме, в тридцати километрах от Каргополя, и стоянку «Ольский мыс».

В 1940 году в этом районе летом работала археологическая экспедиция Архангельского областного краеведческого музея под руководством археолога В. И. Смирнова. В результате раскопок найдено много предметов первобытной культуры, хранящихся в Архангельском областном музее.

Стоянка в местечке Кубенине расположена на правом берегу Онеги, в полутора километрах от ее истоков, и тянется вдоль берега на полкилометра. Двумя археологическими экспедициями с 1928 по 1940 год раскопано более 550 кв. метров и открыты одна землянка, три кострища, два очага, шесть человеческих погребений и много каменных орудий: наконечники стрелы, скребки, ножи, проколки, костяные шилья, костяные иглы, вероятно употреблявшиеся для вязанья сетей и шитья одежды из звериных шкур; кроме того, сланцевый топор, долота и сотни других предметов, изготовленных из кремня. Найдены украшения: подвески из зубов лося, бобра и медведя, фигурки, изображающие человека и др., всего почти четыре тысячи предметов.

Сведения о первых поселениях человека в Беломорье относительно скудны. Человек селился у моря, в устьях рек и ручьев, на песчаных дюнах, где можно было удобно ловить рыбу. Но следы пребывания человека на песчаных дюнах бы-

стрее стираются временем, чем в заторфованных стоянках, как на озере Лаче. Все же стараниями археологов добыты достоверные свидетельства о пребывании первобытного человека на Белом море, в частности на Зимнем берегу.

Еще в 1876 году шведский ученый Г. Г. Санберг, а в следующем году москвичи Н. К. Зенгер и А. И. Кельснев собрали у деревни Зимней Золотицы большую коллекцию кремневых орудий: наконечники копий, стрелы, ножи, скребки, камни с отверстиями, кремни с изображениями тюленя и др. *. Позднее эту стоянку посетили этнографы А. В. Марков и А. Маслов и другие ученые, также нашедшие различные остатки существовавшей здесь некогда доисторической культуры. Наиболее обстоятельно обследовал зимне-золотицкие стоянки первобытного человека геолог и археолог Смирнов в 1934 году. Им открыты две стоянки: близ самого устья реки Золотицы, на правом берегу, у так называемых Сопок, и неподалеку от селушкой тони Катеринихи, в семидесяти километрах к северу от дер. Нижней Золотицы по берегу моря. На месте обеих стоянок найдено много всяких поделок из кремня. В Золотице собрано сто сорок пять предметов: наконечники для стрел, скребки из кремня, с помощью которых обрабатывали шкуры, черепки толстостенных и тонкостенных сосудов с орнаментом и без орнамента. Возле тони Катеринихи ветром и дождем вскрыта стоянка, а может быть и цепь стоянок, протянувшихся между морем и мелкими полузаросшими озерками. В. И. Смирнов исходил и тщательно осмотрел не менее пятидесяти километров берега по обе стороны стоянок, но нигде не нашел кремневых галек. Местные жители утверждали, что кремень встречается в ста километрах вверх по реке в так называемом Кремневом бору, в местности, куда еще редко ступала человеческая нога и куда не проник ни один исследователь. На стоянке возле Катеринихи найдено также много черепков глиняной посуды. Исследование этой керамики позволяет установить длительность зимне-золотицкой стоянки, так как найденные здесь остатки сосудов относятся к различным по времени культурам **.

* Н. К. Зенгер, Поездка в Золотицкую фабрику доисторических каменных орудий в 1877 году.

** В. И. Смирнов, Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области, Журн. «Советская археология» 1937, № 4.

Таким образом, стоянки у Зимней Золотицы и в Кубенине свидетельствуют о многовековом жительстве первобытного человека на Севере по берегам Белого моря.

На берегах Северной Двины в районе города Архангельска на урочище Бык вел раскопки археолог К. П. Рево, обнаруживший ямочно-гребенчатую керамику и бытовые предметы из кости. Несколько лет назад на берегу реки Кузнечихи в районе совхоза № 1 вел раскопки В. И. Смирнов, нашедший много вещественных памятников времен неолита, сходных с теми, которые были найдены на Быку, в Кубенине и на берегах Белого моря.

Наибольший процент собранных материалов на всех этих стоянках составляют орудия охоты, особенно наконечники стрел и копья. Здесь обнаружены большие скопления рыбьей чешуи, костей рыб и диких животных, орудия охоты и рыбной ловли и даже отпечатки на глине настоящих рыболовных сетей. Но ни костей домашних животных, ни предметов, связанных с земледелием, найдено не было.

Вот почему ученые приходят к выводу, что в неолитическую эпоху население северных районов занималось рыболовством и охотой, а земледелие, если и было, то в зачаточном состоянии и не играло значительной роли.

Как развивалось в это время человеческое общество — дает ответ историческая наука. В истории человеческого общества ученые различают три главных эпохи — дикость, варварство и цивилизацию. Первые две эпохи — дикость и варварство продолжались много тысячелетий.

Сущность и содержание этих периодов блестяще определил Фридрих Энгельс: «Дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственные произведения человека служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период — когда обучаются способам, как с помощью человеческой деятельности увеличить производство продуктов природы»^{*}.

Каждый из этих периодов делится на три ступени: низшую, среднюю и высшую.

В период дикости люди брали у природы пищу и другие средства к жизни в готовом виде: собирали корни и плоды,

^{*} Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 14.

поедали червей, улиток, насекомых, всяких мелких животных, приучались к охоте и рыбной ловле.

На низшей ступени дикости люди жили в тропических лесах на деревьях, вели стадное существование. У них уже появляется членораздельная речь, первые самые примитивные орудия.

Первобытный человек выходил к отмелям рек, где он находил речные голыши, подходящие для изготовления орудий. Выносливый, обросший густыми волосами, настороженный, с хорошим обонянием и слухом, умеющий плавать и лазить, ползти, красться и бегать; наделенный крепкими ногтями и зубами человек выдерживал жестокую борьбу с природой и окружающим его миром. Мало-помалу человек вышел из лесу в места, где лес чередовался со степями, и приобрел вертикальную походку.

На средней ступени дикости первобытный человек научился не только пользоваться огнем, возникающим от молнии и других явлений природы, но и добывать его путем трения и высекания из кремня. Благодаря огню он стал варить мясную пищу, жарить и печь рыбу. Начав заниматься рыболовством, человек приобретает первые рыболовные принадлежности. Все это дало возможность первобытному человеку расселиться на огромных не заселенных ранее пространствах.

Высшая ступень характерна изобретением лука и стрел, благодаря которым птицы также стали представлять один из видов пищи, а охота стала одним из постоянных занятий человека.

«Лук, тетива и стрела, — пишет Энгельс, — составляют уже очень сложный инструмент, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно и одновременное знакомство со многими другими изобретениями» *.

«Огонь и каменный топор дают уже по большей части возможность делать лодки из цельного дерева, а местами бревна и доски для постройки жилища» — пишет Фридрих Энгельс **.

Человек утверждает себя в суровой борьбе за существование, изощряет свой ум, познает труд. Этот выход человека к культуре, торжество его над окружающей суровой природой прекрасно выразил в своих стихах Валерий Брюсов:

* Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, М., 1937, стр. 10.

** Там же, стр. 10.

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, человек!
По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!..

Варварство — период, когда люди не просто заимствовали у природы готовые продукты, а когда они стали увеличивать производство продуктов с помощью своего труда. Люди уже стали оседлыми, научились обрабатывать землю, появилось первое мотыжное земледелие, первобытное огородничество.

Низшая ступень варварства начинается с введения гончарного искусства, когда человек научился из глины изготавливать всевозможные сосуды.

В среднюю ступень варварства человечество переходит с приручения домашних животных. Появляется новая, неизвестная ранее отрасль хозяйства — скотоводство.

Первые домашние животные были не чем иным, как живым запасом пищи. Пойманные на охоте дикие животные или еще чаще молодые животные содержались охотниками в неволе до тех пор, пока не иссякали другие запасы продовольствия. Позднее люди стали пользоваться и молоком домашних животных.

Большую роль в жизни Севера играет олень. Олень служит народам Севера упряжным животным, дает им шкуры, жиры и кости для шитья одежды, кормит их своим мясом. В древние времена, в эпоху оледенений, наш северный олень был распространен по всей Европе. До нас дошли многочисленные изображения северного оленя, вырезанные на рукоятках костяных мечей и роговых кинжалов, а также высеченные на скалистых стенах.

Изделия из камня и кости, найденные при раскопках древних поселений на берегах Лаке, говорят о том, что техника первобытного человека в это время была уже относительно высокой. В отличие от своих предков охотники-рыболовы уже имели целые наборы разнообразных орудий из камня и кости, отличавшихся хорошей выделкой.

Они изготавливали из кремня разнообразные по форме наконечники стрел и копий, ножи, кинжалы и скребки. Техническим достижением этой эпохи были шлифованные кремневые орудия.

топоры, долота, тесла, ножи, шилья и скребки, служившие для обработки дерева.

Другим культурным приобретением этой эпохи была глиняная посуда. Первоначально обмазывали глиной плетеные или деревянные сосуды, чтобы придать им огнеупорность, а затем стали руками лепить глиняные сосуды без плетневого остова. Наконец был изобретен гончарный круг. Изготовлением сосудов занимались, главным образом, женщины. Мужчины занимались охотой.

Добычей охотников являлись кабаны, медведи, лоси, олени, зайцы, косули и дикая птица. Из пушных зверей охотники били бобров. Этот ценный зверь в то время встречался, повидимому, очень часто.

В конце древнекаменного века (палеолита) человек начал проявлять себя уже в области художественного творчества. Пользуясь твердым резцом из кремня, а быть может в некоторых местах из горного хрусталя, человек стал высекать на камне, рогах северного оленя, на кости первые изображения, главным образом животных.

Общие для развития первобытной культуры явления имели место и на нашем Севере.

Остатки первобытного искусства в России обнаруживали очень редко. Известны были только изображения в Сибири и обломки бивня мамонта с очень простым орнаментом, найденные в 1900 году в Киеве.

Однако позднейшие находки и параллельное изучение быта и искусства охотничьих народов Европейского Севера и Сибири раскрыли нам культуру палеолита на территории России с большой полнотой.

Значительным открытием были найденные в 1926 году археологом А. М. Линевским и подробно изученные экспедицией Академии Наук под руководством В. И. Равдоникаса наскальные изображения по берегам нижнего течения реки Выга и в окрестностях Выгострова. Здесь найдены огромные изображения северного оленя — до 3 м в длину, — рыб, морских животных и пр.

Так, постепенно, шаг за шагом выясняется жизнь первобытных насельников Северного края.

Археологические раскопки близ Повенца, Каргополя и в Кубенине открыли и более поздние материальные памятники духовной культуры, зачатков древнейших верований. Таковы сосуды с изображением плывущих лебедей, лабиринты (вави-

лоны) на Соловецких и Заячьих островах Белого моря, сохранившие остатки культа мертвых. Отзвуки древнего мировоззрения мы находим в легендах, сказках и поверьях, сохранившихся до сих пор на Севере *.

* В семидесятых годах прошлого столетия историк Майков отмечал, что олонецкие боялись убивать лебедей. Почитание коня также свидетельствует об отдаленных временах, когда почитали тотемное животное. Академик Озерецковский в XVIII веке записал, что на Коневом острове Ладожского озера существовало почитание конь-каменя, которому приносили ежегодно в жертву коня. Название конь-камень встречается и на Белом море.

II. ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ СЕВЕРА

Север европейской части Советского Союза в IX—XIII веках скандинавские мореплаватели называли Биармией, новгородские же поселенцы называли земли, лежащие за волоком,—Заволочьем или Двинской землей.

Новгородская колонизация Севера началась в X—XI веках нашей эры. Сведения, относящиеся к этому периоду времени, очень туманны. Если Север и в наши дни представляет собой лесную полосу со множеством озер, болот и многоводных рек, где заселенные территории являются «лоскутами земли», отвоеванными у природы упорным человеческим трудом, то нет сомнения, что тысячу лет назад Двинская земля была еще более покрыта дремучими таежными лесами, вплотную придвинувшимися к берегам многоводных рек.

Земли по берегам северных рек и Белого моря хотя и слабо, но были заселены задолго до появления здесь новгородских пионеров-колонизаторов.

Первые письменные сообщения о северной области Европы оставили греки и финикияне. Предприимчивые финикияне отваживались плавать к северным берегам Британских островов. К более высоким широтам плавал грек Пифей, выдающийся географ и астроном, живший в IV веке до нашей эры.

Миновав Гибралтарский пролив, он долго плыл вдоль западных берегов Испании, обогнул Британские острова и поплыл к северу, к стране полуночного солнца. На самой северной из посещенных им земель он заметил, что «ночь была совсем короткая и продолжалась местами два, а местами три часа». Можно предположить, что Пифей достиг 65° сев. ш. и был у западных берегов северной Норвегии. От местных жителей он узнал, что на расстоянии одного дня пути к северу

от этой страны лежит море, покрытое льдом. Знакомство культурного человека с севером Европы началось со Скандинавии.

Первые достоверные сведения о нашем Севере дает норвежский мореплаватель Оттэр, который примерно в 870—890 годах нашей эры плавал на далекий Север для добычи моржовых зубов, мамонтовых костей и мехов. Он обогнул Скандинавию и Кольский полуостров и достиг устья большой реки, впадающей в Белое море. Оттэр подробно описывает путь своего корабля и сообщает, сколько дней продолжалось плавание от одного пункта до другого.

Достигнув поворота берега на юг, видимо, мыса «Святой Нос», Оттэр принужден был ждать прямого северного ветра потому что берег здесь или сворачивал на юг или же море врезалось в страну — этого он не знал. Он поплыл отсюда к югу вдоль берега. На пятый день он достиг устья большой реки и уже в самой реке повернул обратно, потому что не смел подняться вверх по реке, так как опасался нападения населения, жившего по ее берегам. Это была первая населенная страна, какую он нашел с тех пор, как оставил свой дом *.

Оттэр, вероятно, достиг устья Северной Двины. В его записках упоминаются биармийцы, живущие в устье большой реки, занимающиеся земледелием, охотой и рыболовством, говорящие на языке, родственном финскому.

Англо-саксонский король Альфред Великий во время пребывания Оттэра в Англии записал рассказ о его самом северном путешествии. Оттэр подчеркивает разницу между финнами и терфиннами с одной стороны, и биармийцами с другой. Он указывает, что финны были охотниками и рыболовами и их поселения были очень редки, наоборот, страна биармийцев была сравнительно густо заселена. Последнее указание путешественника свидетельствует косвенным образом о том, что биармийцы занимались земледелием, так как охота и рыболовство, будучи основным занятием, не допускали в то время более или менее значительной плотности населения, требуя больших пространств. Во времена Оттэра финнами и терфиннами называли саамов, живущих на Кольском полуострове. Значит, биармийцы отличались от саамов не только характером культуры, но и в этническом отношении.

* К. Тиандер, Поездки скандинавов в Белое море, СПб, 1906, стр. 52—57.

Поездки Оттэра, а их было по крайней мере две, открыли длинную цепь поездок скандинавов в Белое море, растянувшуюся на несколько столетий. Экспедиция Оттэра носила промысловый характер. Последующие путешествия скандинавы совершали ради торговли или разбоя. Впрочем, подчас не легко провести грань между торговой поездкой и грабительским набегом.

Открытием Оттэра воспользовался в 920 году Эрик Красная Секира, о котором в сагах рассказывается, что он «имел кровопролитное сражение в Биармии в устье реки Двины и одержал победу»^{*}. Скандинавы во время этого похода истребили много народа, опустошили страну и захватили несметные богатства.

Около этого же времени был совершен еще один поход в Биармию — поход Гаука Ястреба, а в середине X века в Биармию плавал отряд скандинавов под командою Одда.

Достигнув низовой Двины, Одд заключил перемирие на полтора месяца для торговли. Биармийцы явились на берег с мехами, и все спутники Одда, кто имел что-либо для мены, приобрели большие богатства. Когда условленное время прошло, мир был отменен, и Одд со своими спутниками отъехал на середину реки. Как-то ночью Одд высадился на берег и пробрался к большой избе, где пировали биармийцы. Скандинавы похитили вышедшего из избы виночерпия и привезли его на корабль. Угрозами они заставили виночерпия признаться, что он норвежец, живущий у биармийцев уже семь лет. Он поведал, что недалеко вверх по Двине на острове, покрытом лесом, в так называемой священной роще находится курган, составленный из земли и монет, так как местные жители за каждого, кто рождается и кто умирает, приносят туда горсть земли и горсть серебра.

Норвежцы грабят священную рощу и сокровища, приносимые биармийцами своему богу Юмале. Местные жители нападают на скандинавов и прогоняют их за море. Таким образом, если верить рассказам, то уже в IX—X веках норманны совершали набеги на жителей Беломорья.

Летопись и народные предания указывают, что леса Севера, хотя и очень редко, но были заселены племенами «чуди» (чуди Заволоцкой — по Нестору). Термин «заволочская чудь»

^{*} С. К. Кузнецов, К вопросу о Биармии, «Этнографическое обозрение», 1905, № 2—3, стр. 11.

является чисто географическим — «заволочьской чудью» называлось новгородцами все население заволочья, различное по племенному составу.

Повидимому чудь была родственна современному карело-финскому народу, но отличалась от него рядом характерных признаков и прежде всего тем, что у чудских племен земледелие играло более видную роль, чем у карелов, саамов и финнов.

В бассейне реки Ваги археологами еще в прошлом веке был открыт ряд «чудских городищ», то есть укрепленных поселений. Особенный интерес вызывает Устьянское городище, расположенное на территории нынешнего Благовещенского сельсовета, Ровдинского района, близ деревни Поташевской. Оно расположено на высоком правом берегу реки Устья, напротив впадения в нее реки Кокшеньги.

Обрывистый берег реки Устья, ручьи с высокими крутыми берегами требовали небольших затрат труда для того, чтобы здесь создать неприступную крепость, обнеся холм деревянным забором и земляным валом. На север и юг с холма городища ведут две лестницы, выложенные из крупного серого камня. К северо-западу от городища расположены три могильных кургана. По рассказам старожилов, местные жители в поисках клада производили раскопки этих курганов и находили человеческие кости, черепки посуды и бронзовые подвески.

Экспедиция Вельского краеведческого музея в 1940 году провела здесь небольшие раскопки. Она обнаружила часть каменного топора, несколько наконечников стрел, черепки глиняной посуды и остатки обуглившихся срубов. Это свидетельствует о том, что городище было уничтожено огнем.

В восточном направлении от Поташевского городища, на пятнадцатом километре по дороге в Глубоковский сельсовет, среди соснового бора экспедиция обнаружила двадцать одну яму, глубиной от двух до шести метров, правильной воронкообразной формы.

По некоторым предположениям — это остатки родовых землянок одного из племен охотников и рыболовов, обитавших в этих краях много сотен лет назад.

Все эти места бытования древнего человека требуют дальнейших систематических исследований археологов.

На северном берегу Белого моря жили саамские племена (или лопари), занимавшиеся охотой, рыболовством и оленеводством, а земли в низовьях рек Печоры и Мезени заселяли

предки ненецкого народа. В таежных лесах по берегам многоводных рек Печоры и Вычегды жили предки народа Коми. На северном Урале и за Уральским хребтом жили югорские племена.

Эти выводы подтверждают и названия местностей: река Шуя (между Кемью и Выгом) названа в актах XVI века Шуй Карельскою, а одно из устьев Северной Двины и теперь еще называется Николо-Карельским (по монастырю, основанному монахом Ефимием в начале XV века). Названия: Няндомы — богатая земля, Кандалакша — хвост губы, Сума — бедная земля, Соломбала — по-карельски Соленба — топкий и грязный остров — и прочие слова происходят от карельского языка.

В X—XI веках обитатели Севера саамы, карелы, финны, ненцы, коми и чудские племена жили родовым строем, причем родовой строй находился в стадии разложения, о чем говорит наличие богатой родовой верхушки и массы обедневших сородичей.

В XVI веке сюда, в низовье Печоры, стали проникать русские промышленники и миссионеры. Колонизация Севера и в связи с этим проникновение товарно-денежных отношений привели к разложению родового строя. Вот что писал академик Лепехин, побывавший у ненцев в XVIII веке: «Самоед Канинский, Тиманский и Пустозерский, если в своем стяжении имеет собственных тысячу пятьсот или две тысячи оленей, почитается богатым; посредственным же — у кого есть пятьсот или семьсот оленей; а маломощным — имеющий только от двадцати до тридцати оленей. Самый бедный уже тот, который больше одного десятка не имеет собственных оленей».

В результате разложения родового строя из среды ненцев выделялись богатеи. Особенно тяжело было положение ненецкой бедноты, которую нещадно грабили богатые ненцы, русские и норвежские купцы и промышленники, а также царские чиновники.

Только советская власть создала благоприятные условия для физического и духовного возрождения саамов, ненцев и других малых народов Севера.

Ненцы, тысячелетиями кочевавшие по безбрежным просторам тундры, в наши дни быстро переходят к оседлости, с помощью великого русского народа, благодаря повседневной заботе большевистской партии и советского правительства.

III. НОВГОРОДСКАЯ И МОСКОВСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

В X—XI веках на берегах Белого моря стали появляться русские. Древнейшие обитатели Севера частично были оттеснены к западу — на реку Онегу и частично к востоку — в сторону Северного Урала. Между первыми новгородскими колонизаторами далеких земель Севера и заволочьской чудью шла длительная борьба. В Никоновской летописи под 1032 годом говорится: «Убиен бысть Глеб, сын Святославль, в Заволочьи». Чудь «белоглазая», как ее величали новгородцы, не хотела ни чужой религии, ни тем более власти новгородцев над собой; все же в ряде мест чудь и новгородцы жили мирно и чудь постепенно усваивала язык, нравы, обычаи и религию более культурных русских переселенцев. Летописцы не говорят ясно о завоевании Заволочья, потому что завоевания в нашем смысле этого слова не было, а было медленное поступательное движение, тянувшееся несколько веков, в котором насильственный кровавый эпизод чередовался с мирной уступкой, с договором.

Кроме того, это движение осуществлялось, как правило, не государственными силами Новгорода, а на средства частных лиц — богатых предприимчивых бояр, купцов и промышленников — отважными новгородскими ушкуйниками.

Новгород особенно начинает расширять свои владения в XI веке, в первую очередь за счет земель на северо-востоке, по южному берегу Белого моря, рекам: Онеге, Северной Двине, Мезени и их многочисленным притокам. В начале XII века новгородцы создают свои постоянные поселения в устье Северной Двины.

★ ★ ★

С упадком экономического и политического значения Киева особенно возросла роль Великого Новгорода, который в XI—XIV веках являлся средоточием русской торговли.

Иноземцы, посещавшие Новгород и Псков в пору их экономического расцвета, утверждали, что редкий город в Европе мог с ними сравниться. Новгородские купцы и бояре вели большую торговлю со всем «заморьем». Сюда из-за моря иноземные купцы привозили дорогие фландрские сукна, вина, оружие, металлы, пряности и другие товары. Новгород продавал им моржовую кость, соль, воск, лен и ворвань. Важной статьёй вывоза были меха: соболь, горностай, куница, лисица, песец и белка. Иностранные купцы в Новгороде имели свои торговые ряды и склады и занимались торговлей без особого ограничения. Оживленная торговля велась с княжествами северо-восточной Руси и по Волге с восточными странами, а на юге с Приднестровьем.

С юга Великий Новгород получал хлеб, мед, воск и другие товары, а взамен давал южным русским княжествам иностранные товары.

Главные статьи новгородского вывоза поставляло Заволочье и Югорская земля. Новгородцы так дорожили Заволочьем, что в договорах с князем всегда оговаривали право на свое владение северными волостями. «Се, княже, волости новгородские».

Движение на север начали купцы и партии промышленников-смельчаков, добравшихся в лодках-«ушкунях» до берегов Белого моря, Северной Двины и проникавших на Печору. Купцы шли преимущественно на восток, в бассейн реки Печоры, а промышленников манило своими богатствами Белое море, где они добывали моржовую кость, шкуры и сало морских зверей.

Путь, связывающий Новгород с далеким Заволочьем, шел по Волхову, берегу Ладожского озера, по реке Свири, огибал Онежское озеро. Здесь он раздваивался. Одна его ветвь шла прямо на север от берегов Онежского озера через Маткозеро к реке Выгу и оттуда в Поморье, а вторая ветвь шла вверх по реке Водле, затем переходила в ее приток Мышьи Черевы, которая волоком была связана с озером Волоком и вытекающей из него рекой Волюшкой. Дальше путь шел по реке Поче в Кенозеро и через Кену в реку Онегу. По Онеге путь шел к морю или же переходил на верховья реки Емцы и по ней спускался на Северную Двину.

Были и другие пути проникновения на север через бассейн Сухоны и Вычегды. Наиболее вероятные пути проникновения новгородцев в Заволочье изображены на карте, прилагаемой в конце книги.

Отважные новгородцы не ограничились плаванием в пределах Белого моря, а стали плавать на Новую Землю и к берегам Норвегии.

На основных путях передвижения новгородских колонизаторов стали появляться первые постоянные поселения и монастыри. К первым таким поселениям относятся город Каргополь — на реке Онеге, город Шенкурск — на реке Ваге, Матигоры, Холмогоры и Ракула — на Двине, Вологда — на реке Вологде, Великий Устюг — на Сухоне, Кола — на Мурманском побережье и др.

Одинокому поселенцу было не под силу пробраться на далекий Север, осесть в Поморье. На беломорский берег могли проникать только хорошо снаряженные партии колонизаторов, такие группы и отряжались новгородскими боярами. Бояре стали все чаще и чаще отряжать дружины на конях и ушкуях для того, чтобы занять все лучшие и удобные земли на Севере. Так появились в Двинской земле обширные вотчины новгородских бояр с оседлым русским населением.

К началу XIII века относятся первые летописные упоминания о проникновении новгородцев на Кольский полуостров. Под 1216 годом летописец занес рассказ об убийстве «Семьюна Петриловца», бывшего сборщиком дани на Терском берегу.

Подвластность Кольского полуострова Новгороду в XIII веке подтверждается и другими документами. В древнейшей договорной грамоте с князем (1265 год) среди «волостей» новгородских упомянут «Тре», то есть Терский берег, а в последующих грамотах значились уже Кола и Тре.

С X по XIII век Великий Новгород утвердился в Заволочье, Карелии и на Мурмане, а новгородские сборщики дани и бояре стали полновластными хозяевами этих обширных земель. К XV веку побережье Белого моря уже было унижено русскими поселенцами, зависимыми от бояр и отчасти от монастырей.

Главными приобретателями земель на севере — в Беломорье, были новгородские посадники Дмитрий Ухарь, Афонас Есипович, Марфа Борецкая и бояре Своеземцевы, Окладниковы, Селезневые, Тучины и мн. др. Наибольшей известностью пользовалась посадница Марфа Борецкая. В XV веке на одной только реке Суме ей принадлежало двадцать два поселения. Она владела частью Кемской волости и огромной вотчиной на Терском берегу. Борецкие имели обширные владения по реке Ваге пожни и «ловы» в дельте Северной Двины. Владения Борецких в Беломорье, а Своеземцевых на Ваге, были поистине необозримы.

Обработку земель в своих владениях бояре вели холопами и половниками (людьми, работавшими за часть урожая: четверть, треть или половину). Боярскими половниками были или племена чуди заволоцкой или вольные, гулящие люди, которые не имели средств самостоятельно осесть на невозделанную землю. Сотни половников сидели в таких «боярщинах» — на малых пашенных участках или промыслах.

Сбор дани в своих обширных владениях бояре обычно производили не сами, а через посыльных людей. Сами бояре в северные владения выезжали редко.

Помимо земельных владений и промыслов на море, Борецким принадлежали солеварни Неноксы и Уны.

Борецкая была очень жестока в обращении с крестьянами. В местечке Летняя Золотица она казнила многих жителей, заподозрив их в том, что они были виновниками гибели на море во время бури двух ее сыновей.

* * *

Утвердившись в Заволочье, Великий Новгород стал посылать для сбора ясака своих данников. Сбор дани в Обонежье и Заволочье; если судить по уставу 1137 года, производил княжеский слуга, который вместе с отрядом вооруженной охраны объезжал карельские и чудские поселения. Подобные отношения известны в русских летописях под термином «полюдье».

Погоня за мехами и пушным зверем привела новгородцев уже в самом начале XII века на Печору, а затем за «Камень» (Уральский хребет), в низовья Оби — в Югорскую землю. И с этих пор новгородцы, хотя и не систематически, но вносили дань с народов, живущих на Печоре и Югре.

В 1187 году на Печоре и Югре были уже новгородские сборщики дани. В 1198 году отряд новгородцев, численностью в четыреста человек, под начальством воеводы Ядрея отправился в югорскую землю собирать дань. Придя в Югру, они взяли одно укрепленное поселение, а затем осадили другое, но встретили упорное сопротивление. Осада затянулась на пять недель. Югорский князь пошел на хитрость. Он послал к Ядрею посла и велел передать ему: «Мы копим серебро, соболей, разное узорочье, так вы не губите нас, ваших смердов, а приходите, господин воевода, в город, взяв с собой двенадцать лучших мужей».

Заманив Ядрея с лучшими дружинниками в свой город, они их убили. Таким же образом заманили в крепость и уничтожили еще два отряда в тридцать и пятьдесят человек, после чего югорцы сделали неожиданную вылазку и прогнали всех остальных сборщиков дани.

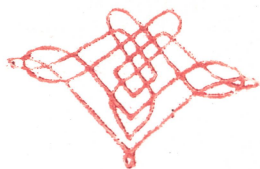
Впоследствии Новгород посылал в Югорскую землю более сильные военные экспедиции.

Югорские земли не входили в состав замиренных новгородских «волостей», а поэтому и селиться в них было для новгородцев рискованно. Все же в конце XV века в устье реки Печоры возникло промысловое поселение, а рядом с ним был построен Пустозерский острог.

Сношения Новгорода с Печорою и Югрою на первых порах были трудны. Северный путь по Сухоне и Вычегде рано попал в руки ростовских удельных князей, и новгородцы не всегда могли по нему свободно плавать.

Распри Великого Новгорода с ростовскими и суздальскими князьями приводили к тому, что нередко новгородцев, возвращавшихся с богатой добычей из Югры, грабили устюжане.

Наметившаяся «низовская колонизация», то есть с юга Руси, тревожила новгородцев. Новгородцам приходилось иногда размежевываться с соперниками, что они в некоторых случаях допускали вполне равнодушно. В XIV веке московские князья безвозбранно пользовались путем по Северной Двине на Мезень и дальше на север, куда их сокольники хаживали добывать «потки», то есть ловчих птиц, в чем им новгородцы нисколько тоже не препятствовали. Но стоило Москве сделать попытку укрепиться в низовьях Двины, как новгородцы обнаружили непримиримость. Они жестоко наказывали местное население за их поползновения перейти под власть Москвы. Так Новгород начинал становиться помехой в образовании мощного и единого русского национального государства.

IV. ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ СЕВЕРА

В XI веке карельское, чудское и саамское население, жившее в Беломорье, платило дань новгородскому князю и десятину вир от продаж новгородскому епископу. Устав князя Святослава от 1137 года содержит перечень местностей в Заволочье. Отметим из них Олонец и такие населенные пункты, как Моша и Ракула. Оба последних населенных пункта, упоминающиеся в уставе Святослава, находятся в нашей области. В Няндомском районе протекает река Моша, и уже тогда, должно быть, с Каргополя на Шенкурск проходил путь. Употребление в уставе выражения на «володе в Моше» означает существование поселения на берегу озера Моша. Ракула же расположена на берегу Северной Двины, в ста двадцати километрах от Архангельска.

В X веке новгородские промышленники — «ушкунники», пробираясь по водным путям на север, к Беломорью, приплыли к истоку Онеги. На левом ее берегу они увидели небольшое чудское поселение. Местность, окружавшая селение, на местном языке называлась Каргун-Пуоли, что означает «страна медведя». Новгородские промышленники здесь основали свое поселение, дав ему название — Каргополь. Место было выбрано не случайно: отсюда можно было легко контролировать Онежский водный путь и держать в покорности чудские поселения, расположенные по берегам озера Лаче и рек Онеги, Волошки, Ковжи, Кены и других.

Каргополь давно известен по летописям. Здесь в XIII веке находился в ссылке Даниил Заточник, который оставил первые сведения о Каргополе.

В XIV веке здесь жили князья, летописец упоминает о том, что Глеб, князь Каргопольский, в 1380 году сражался с татаро-монголами на Куликовом поле.

Потерпев поражение в борьбе за великокняжескую власть и спасаясь от преследования великого князя Василия Темного, в 1447 году в Каргополе укрылся князь Дмитрий Шемяка. Отсюда название «Шемякина лумба» на озере Лаче.

При великом московском князе Иване III весь Беломорский север вошел в состав Московского государства, и в Каргополь был назначен наместник великого московского князя. Иван III использовал Каргополь, как место для ссылки пленных татарских ханов.

В начале XVII века крестьяне подняли восстание против помещиков и бояр, но их восстание было подавлено. Боярский царь Василий Шуйский сослал в Каргополь в 1607 году взятого в плен в Туле вождя восставшего народа Ивана Болотникова. Озлобленные бояре ослепили своего пленника. В одну из холодных зимних ночей по приказу из Москвы прислужники царя утопили Болотникова в проруби в Онеге. Так бесследно исчез один из борцов за интересы трудового народа.

В конце XV века здесь была выстроена первая деревянная крепость, обнесенная земляным валом и рвом. Глубокий ров с помощью шлюзовых ворот соединялся с Онегой и таким образом в нем постоянно поддерживалась определенная глубина. Остатки крепости сохранились до начала XVIII века. В одном из актов 1714 года, написанном в виде докладной записки царю Петру I, говорится:

«Город деревянный, рубленный, башен по стенам семь... А этот город строение древних времен; башни строены шатровые, и те башни и городовая стена крыты тесом; и во многих местах стена, кровля и лестницы, которые из города на городовую стену были, с ними и обвалились» *.

Остатки крепостного рва и вала, несколько сровненные временем, сохранились и поныне. Каргополь разросся за пределы старого городища и уже в XVI веке насчитывал несколько тысяч жителей. Через него шла обширная торговля Великого Новгорода с Беломорьем. Беломорская соль унских и ненюкских солеварен, моржовая кость, ворвань, поташ, рыба и серебро с Северного Урала, меха пушных зверей собирались здесь. Каргопольские купцы быстро богатели на скупке и продаже этих товаров.

Молчаливыми свидетелями этого времени являются древние соборы города. На четыре тысячи жителей в городе

* Д а ш к о в, Описание Олонецкой губернии, Петрозаводск, 1892, стр. 8.

насчитывалось двадцать две каменные церкви — замечательные памятники старины, созданные руками безывестных зодчих.

Холмогоры — одно из древнейших поселений на Беломорском Севере. Оно было в течение длительного периода центром Двинской земли. Сам город впервые упоминается в Двинской грамоте под 1328 годом. Он возник из слияния нескольких разросшихся деревень.

На высоком холме по берегу многоводной реки Сухоны раньше жило чудское племя. Но в X—XI веках славяне завладели трехречьем. В летописях указывается, что славяне, селясь при устье реки Юга, еще во времена Святополка звались устюжанами. Здесь при слиянии Сухоны и Юга и возник город Великий Устюг, ставший весьма важным этапом на великом водном пути из Новгорода в Пермский и Печорский край.

Нередко устюжане грабили возвращавшихся с Печоры новгородских сборщиков дани, а иногда и убивали их. В 1323 году Новгородская летопись сообщает, что «зараташися устюжане с новгородцами, изымаша новгородцев, кто ходил на Югру, и ограбиша их». Тоже в 1329 году: «избиша новгородцев, которые пошли на Югру, устюжский князи».

Новгородцы в 1393 году напали на Устюг, ограбили город и сожгли Успенский собор.

К древним городам Севера относится и резиденция купцов Строгановых — город Соль-Вычегодская. Сольвычегодск также имеет богатую многовековую историю.

Давным давно, в 4 км выше нынешнего города Сольвычегодска стоял город Чернигов, основанный новгородцами в XIII веке. Чернигов успешно торговал с народами Сибири в то время, когда еще московский князь Иван Калита только начинал собирать в единое государство разрозненные удельные русские княжества.

Вычегода со временем смыла то место, где когда-то стоял город. Черниговцам пришлось спуститься на четыре километра ниже по реке, на место, где в Вычегду впадает речка Усолка (теперь она называется Солонихой). Солониха вытекает из небольшого соленого озера. На ее берегах в начале XIV века стали строиться соляные варницы. Так появился город Соль-Вычегодская.

Основателями соляного промысла в городе были купцы Строгановы. Отсюда они управляли своими обширными владениями, простиравшимися по всему необъятному Северу и Северному Уралу.

Аника Строганов решил придать своему родовому гнезду более пышный вид. Он воздвиг громадные по тому времени палаты своего дома и в течение двадцати пяти лет строил Благовещенский собор. Сотни мастеров трудились над этим сооружением и закончили его в 1585 году.

Внутреннее убранство собора поражает посетителя великолепием и высокой художественной ценностью отделки. По художественной ценности убранство собора может сравниться с древностями Московского Кремля. Стены собора покрыты древней живописью. Замечательны по красоте царские врата, удивительно согласующиеся с общим архитектурным ансамблем храма.

Построенный почти в то же время Введенский монастырь имеет замечательную внешнюю архитектурную отделку.

Строгановы так разбогатели, что русские цари делали у них денежные займы для нужд Московского государства. Аникины — мореходы и добытчики — одними из первых проникли за Уральский хребет в богатую Мангазею. В 1570—1577 годах Строгановы завязали оживленную торговлю через Белое море с Антверпеном.

Предприимчивые Строгановы снабдили оружием, одеждой и обувью отряд атамана Ермака Тимофеевича, который в 1581—1582 годах положил начало присоединению к Московскому государству Западной Сибири.

Завоевание Иваном IV Поволжья постепенно привело к тому, что торговые пути, шедшие в Сибирь, переместились к югу, с Вычегды на реку Каму. Сольвычегодск, таким образом, оказался в стороне от великих торговых путей. Это привело к постепенному упадку его экономического могущества. К началу XX века он превратился в глухой провинциальный город. Царское правительство избрало его одним из мест ссылки борцов за дело рабочего класса. Здесь в годы царизма дважды находился в ссылке И. В. Сталин.

Самый северный город — Кола, расположенный при слиянии рек Колы и Туломы, впервые упоминается в летописи под 1246 годом. Долгое время Кола была сезонным поселением поморов, приезжавших сюда из Беломорья на летние морские промыслы. В 1565 году пришло в Колу на зимовку потерпевшее аварию голландское судно, его экипаж обнаружил во всем поселении всего трех жителей. Все остальные вернулись в постоянные поморские поселения на берегах Белого моря.

В 1582 году здесь был выстроен острог, а для приезжающих купцов был построен гостиный двор. С этого периода и началось быстрое увеличение населения заполярного города.

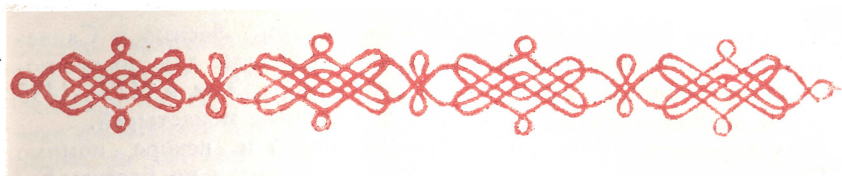
В 1701 году на месте ветхого острога по указу царя Петра I был срублен новый острог. В своем указе на имя воеводы города Колы Петр писал:

«И как к тебе эта наша великого государя грамота придет и ты б... в Кольском остроге город велел починить, а в которых местах чинить не можно, велел построить вновь Коляны посадскими людьми, стрельцами и всяких чинов города жителями людьми с Кольского уезда, чтоб в военный случай в том городе в осаде сидеть было возможно».

Жители Колы проявили большое старание и срубили заново четырехугольную крепость с башнями на углах, вышиною от 4 до 5 сажен. На башнях были поставлены в два ряда пушки.

Так далекая Кола была своевременно подготовлена к возможному набегу иностранцев.

V. МОНАСТЫРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

Обширные торговые и культурные связи Киевского государства с Византией привели к тому, что в 988 году князь Владимир ввел на Руси христианскую религию. Принятие христианства Русью было прогрессивным явлением, так как сблизило славян с византийской культурой и способствовало развитию письменности.

В конце XII века в разных частях русской земли насчитывалось несколько десятков монастырей. В последующие века число их значительно увеличивается. Если до XIII века монастыри строились в городах или в ближайших окрестностях, то в XIII веке появляется много пустынных обителей.

Вслед за отрядами новгородских колонизаторов на Север двинулись монахи.

Первостепенную роль в монастырской колонизации Севера играл Троице-Сергиевский монастырь. Из него в XIV веке вышли основатели тринадцати пустынных монастырей-колоний. Среди них наибольшей известностью пользуются первые северные монастыри — Кирилло-Белозерский, Ошевенский, Соловецкий и Сийский. Если провести от Троице-Сергиева монастыря две линии на север: одну на Вычегду, а другую на Белое озеро, то этими линиями и будет очерчено пространство, по которому шла монастырская колонизация на Север.

Это колонизационное движение шло также полосами по берегам рек. Монахи проникали в глухие леса Севера, захватывали лучшие земли по берегам рек и озер и на них основывали свои обители.

В начале XV века монастырская колонизация из Беломорского края перешла в район Онеги. Пострижник Кирилло-Белозерского монастыря Александр Ошевнев построил на одном из притоков Онеги, севернее Каргополя, Ошевенский

монастырь. Монахи Ошевенского монастыря Зосима и Савватий пробрались далеко на север и облюбовали для нового монастыря Соловецкие острова на Белом море. Так в 1429—1435 годах возник один из крупнейших северных монастырей.

Соловецкий монастырь быстро окреп и вскоре помимо Соловецких островов приобрел обширные земли по берегам Белого моря и рек Онеги, Кеми и Двины. В конце XV века к владениям этого монастыря были присоединены земли бояр Борецких.

Монах Белозерского монастыря Пахомий в самом начале XVI века прошел вниз по Онеге и на ее притоке речке Кене, основал новую обитель. Через несколько лет монах этого же монастыря Антоний перешел с Онеги на Сию (приток Северной Двины) и на берегу Михайловского озера, в восьмидесяти трех километрах к югу от Холмогор, в 1520 году основал крупнейший на севере монастырь — Сийский.

В 1410 году в устье Северной Двины (там, где сейчас расположен Молотовск) монахом Ефимием был основан Николо-Карельский монастырь, а в 1414 году в сорока километрах кверху от него был основан Михайло-Архангельский монастырь*. Самое название монастыря Николо-Карельский говорит о многом. Он был основан среди карельского населения, обитавшего на берегах Двины, и имел целью распространение среди него христианства и русской культуры.

В последующие века пути монастырской колонизации потянулись дальше на восток и на север за полярный круг, на Кольский полуостров.

В 1556 году был основан на Мурманском берегу Печенгский монастырь — первая обитель за полярным кругом. С этого времени русские поселенцы твердой ногой становятся на сопках Заполярья. Возвращение Печенги нашей Родине является, таким образом, актом восстановления исторической справедливости.

В 1604 году на Пинеге был основан Красногорский монастырь — один из аванпостов экономического проникновения на Печору.

Все эти монастыри явились опорными пунктами в Заволочье и Мурманском крае. Новые обители появлялись со сказочной быстротой. Любопытно, что с включением обширного Севера в состав Московского государства число монастырей стало

* Раньше здесь, по некоторым данным, существовала обитель монахов-пустынников.

быстро увеличиваться. Если в новгородское время на территории Двинской земли было пять монастырей, то с включением Севера в состав Московского государства было открыто в XVI веке пятнадцать и в XVII веке двадцать монастырей. Таким образом, за два столетия число монастырей на Севере увеличилось в восемь раз.

Продвижение монастырей на Беломорский север имело большое значение для экономического развития этого края. Монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали пашню, заготавливали сено, разводили скот, строили суда, ловили в реках, озерах и морях рыбу, устраивали смолокурни, солеварни и другие промыслы.

Монахи приходили нередко и в совсем необжитые места, расчищали целину, прокладывали новые пути. Так, про Антония Сийского говорится в его «Житии», что он в поисках места для устройства монастыря миновал «непроходимые леса, дебри и дрязги (топи), иже прилежат Студеного моря Окияна, и мхи и блата постоянные и озера и многи».

Нередко монахи заставляли первобытных насельников этих мест на очень низкой ступени культуры. «Каяне» и «мурмане», с которыми столкнулись Зосима и Савватий, «быша, яко зверие дивии, живуща в пустынях непроходимых и в пещерах, в расселинах каменных и земных, неимуще ни храма ни иного потребного к жительству человеческому».

Эти житийные свидетельства недалеки от истины. Английский путешественник XVI века Стифен Берроу также описывает в своих дневниках низкий уровень культуры лопарей Мурманского берега: «... они едят всякие сорные травы, растущие на скалах, с такою же жадностью, как корова ест траву, когда она голодна. Я видел, как они ели сырые птичьи яйца и птенцов, сидевших еще в яйцах» *.

Русские принесли народам Севера новую, более высокую культуру. Во главе монастырей часто стояли энергичные и предприимчивые люди, хотя и «отрекшиеся от мира», но находившие большое удовлетворение в борьбе с природой, в неустанной деятельности, которые, по словам В. О. Ключевского, «уйдя в пустынь, становились руководителями собравшегося к ним братства и сами вместе с ним изыскивали средства для построения и содержания монастыря». Монастырь становился

* Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, перевод Ю. В. Готье, Москва, 1937, стр. 119.

центром хозяйственной жизни края, а подчас и укрепленным пунктом, крепостью, защищающей важный рубеж.

Особенно характерна в этом отношении деятельность Соловецкого монастыря. Он имел на берегах Белого моря десятки солеварен с годовой производительностью в несколько десятков тысяч пудов соли. Эта соль продавалась и променивалась местному поморскому населению, использовалась в своем хозяйстве для засолки рыбы и вывозилась через Холмогоры, Каргополь и Вологду в южные города. Так, например, в 1601 году только через вологодские склады монастырь продал 108431 пуд соли на общую сумму 6136 рублей.

На вырученные от продажи соли деньги Соловецкий монастырь покупал большое количество сельскохозяйственных продуктов, кож, овчин, льна, гвоздей, конопли и мыла.

Помимо солеварения монастырь уделял большое внимание рыболовному промыслу. Сотни монахов, послушников и монастырских крестьян почти круглый год ловили рыбу и били морского зверя. Принадлежавшие монастырю волости Варзуга, Умба и Кемь основным своим промыслом считали рыболовство. Значительную часть рыбы, поступающей из этих волостей, монастырь продавал в Архангельске и Холмогорах русским и иностранным купцам.

Помимо солеварения и рыболовства в вотчинах Соловецкого монастыря производилась выплавка железа, добыча слюды, ловля жемчуга, а также имелись и другие промыслы. Монастырь завел у себя книгопечатание.

Желая обезопасить себя от постоянных набегов скандинавов, монахи этого монастыря в течение нескольких десятилетий, с помощью мастеров каменотесов соорудили из гранитных валунов циклопические каменные стены, замыкающиеся по углам высокими остроконечными башнями. В стенах и башнях были сделаны узкие бойницы. Пушки, установленные в башнях, не раз отражали вражеские нападения на монастырь.

Жители ближайших поморских поселений также нередко укрывались за стенами монастыря от неожиданных набегов.

Правительство всемерно содействовало возникновению монастырей, видя в них своих помощников в колонизации необъятного Севера и распространителей русской культуры среди местного населения. Организаторами новых монастырей в большинстве случаев были люди из богатых слоев населения. Ярким примером может служить основатель Сийского монастыря монах Антоний. Отец Антония был предприимчивый новгород-

ский боярин, переселившийся на север и обосновавшийся в деревне Кехте. Здесь он завел боярско-купеческое хозяйство.

Получив после смерти отца богатое наследство, Антоний ушел в Кенозерский монастырь. После этого он собрал вокруг себя группу монахов и отправился со своей братией подыскивать место для новой обители. Первоначально монахи хотели обосноваться на реке Шелексе, но, встретив враждебное отношение крестьян, монахи удалились. Вскоре они облюбовали берега р. Сии и Михайловского озера.

При основании Сийского монастыря монахам пришлось вести упорную борьбу с крестьянами, не хотевшими уступать свои лучшие луга, а позднее и пашни, монастырю. Но на помощь монахам пришла власть в лице великого московского князя. Крестьяне постепенно были превращены в зависимых от монастыря, а их земля была объявлена монастырской.

Отмечая прогрессивное значение монастырей в колонизации Севера, нельзя умалчивать об отношениях их с крестьянами. Подчинив своему влиянию огромную массу крестьян, монастыри становились своеобразными крепостниками. Так, например, Крестный Онежский монастырь, расположенный в устье Онеги — на Кийострове, имел во второй половине XVIII века 3993 души монастырских крестьян, а знаменитый Сийский монастырь имел 3333 души.

Иногда думают, что северное крестьянство вовсе не знало крепостного гнета, так как на севере, в пределах современных Архангельской, Мурманской областей и Карело-Финской республики почти не было помещиков, а стало быть, не было и крепостничества. Однако это не так. То, что на севере помещики встречались только в пределах теперешних Сольвычегодского и Каргопольского районов и в некоторых других местах, а не повсеместно, еще не означает, что на Беломорском севере вовсе отсутствовало крепостничество. В рассматриваемый нами период времени северные монастыри вели барщинное хозяйство, основанное на крепостнических отношениях с крестьянами.

Жизнь монастырских крестьян, находившихся в зависимости от монастырей, мало чем отличалась от жизни крепостных крестьян, принадлежавших помещикам, но только они работали не на светских, а на духовных феодалов. Наряду с барщиной на севере встречался оброк в натуральной и денежной форме, ибо с развитием обмена монастырские вотчины все более и более вовлекались в рыночную торговлю.

За малейшее неповиновение монастырской администрации крестьян подвергали тяжелым пыткам в монастырских застенках, а иногда сажали на многие годы в мрачные подземелья и каменные мешки. Монастырские подземные тюрьмы были не только местом заключения строптивых крестьян, но и застенками, куда правящий класс упрятывал политических ссыльных.

Только во второй половине XVIII века правительство Екатерины II, напуганное ростом восстаний монастырских крестьян, провело ограничение монастырских владений, освободив таким образом крестьян от зависимости монастырей и переводя их в разряд государевых, несущих повинность только государству.

Став юридически независимыми от монастырей, крестьяне были вынуждены у последних арендовать землю на тяжелых условиях. Таким образом, монастыри, сохранив за собой землю, стали постепенно превращаться из феодалов-крепостников в эксплуататоров-капиталистов.

Все же значительная часть крестьян, проживавших по Северной Двине, Онеге, Варе, Пинеге и Устье, не была в зависимости от монастырей и несла повинность только по отношению к государству. Эта часть крестьян была в более свободном положении.

Таким образом, монастыри были весьма важным прогрессивным фактором в колонизации Беломорского севера Великим Новгородом и Москвой. Они содействовали продвижению на Север, в чудские, карельские и саамские племена русской культуры и письменности, заводили первые типографии, организовали разработку природных богатств и вели широкую торговлю. Но вместе с тем нельзя замалчивать и того факта, что они были эксплуататорами северных крестьян.

VI. БОРЬБА МОСКВЫ И НОВГОРОДА ЗА ОБЛАДАНИЕ ЗЕМЛЯМИ БЕЛОМОРСКОГО СЕВЕРА

Если в XI—XII веках колонизация Севера проводилась преимущественно новгородцами, то в XII—XIV веках прежде всего в Двинскую землю через волоки, отделявшие волжские притоки от Сухоны, Ваги и Юга, наперерез новгородскому колонизационному потоку двинулся поток переселенцев с верхнего Поволжья.

Переход населения с верховий Волги на Двинской север положил начало московской колонизации этого обширного края. Немалое значение в этом переселении играло желание населения Поволжья уйти в места, менее всего достигаемые татаро-монгольскими ордами, которые несколько веков подряд грабили и разоряли русскую землю. По выражению Карла Маркса, «это иго не только давило, оно оскорбляло самую душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, причем разорение и массовые убийства стали его постоянными институтами»^{*}.

Князья с верховий Волги и Оки постепенно заводили обширные владения по верхнему течению Северной Двины, заключая особые соглашения с Новгородом. С усилением южной колонизации в Заволочье начинает увеличиваться влияние московских князей, начинается длительная и упорная борьба между Москвой и Новгородом за обладание Заволочьем. Эта борьба шла одновременно с общей борьбой между ними, принимавшей не раз форму вооруженных столкновений.

Начиная с Ивана Калиты, московские князья стремились приобрести власть над Новгородом. Калита вел дальновидную политику. Внешне он проявлял полную покорность по отно-

^{*} К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века.

шению к золотоордынскому хану, а сам исподволь накапливал силы Московского княжества.

В 1336 году Калита нарушил мир с Великим Новгородом и послал свое войско для захвата новгородских владений по Северной Двине. Московское войско было разбито новгородцами.

В 1386 году князь Дмитрий Донской также пытался приобрести Заволочье и некоторые другие земли Новгорода, но неудачно.

Заключая договоры с московским князем, новгородские бояре внешне изъявляли ему покорность, а на деле вели политику обособленности.

Некоторые новгородские бояре, желая сохранить власть в своих руках, пошли на измену Родине и заключили союз против Москвы с литовским королем Казимиром. Во главе этой группы встала Марфа Борецкая, вдова посадника, представительница одного из самых богатых боярских родов.

Сталкиваясь на севере с Великим Новгородом, московские князья долгое время встречали ожесточенное сопротивление.

Из рассказа новгородского летописца мы узнаем, что в 1389 году «князь Великий Василий Дмитриевич послал за Волок на Двину бояр своих... ко всей Двинской свободе», предлагая двинянам перейти на его сторону и отделиться от Новгорода. За это он обещал свою защиту и покровительство. Двинские бояре решили отделиться от Новгорода и перейти под власть Москвы. Новгородские бояре послали на Двину сильное по тем временам трехтысячное войско, которое и одолело московский отряд, засевший в крепости Орлец, а затем силой оружия заставило двинян снова покориться Новгороду. Многие двинские бояре были казнены, а наместник великого московского князя Федор Ростовский был прогнан. Разрушив крепость Орлец, новгородцы наложили на двинское население тяжелую контрибуцию в 1000 фунтов серебра и 3000 лошадей.

Не ограничиваясь пределами Двинской земли, новгородцы поднялись вверх по реке Сухоне и перенесли войну в северные Московские волости: «и пойдоша на великого князя волости на Белозеро и взяша белозерские волости на щит»... «И Кубинские волости повоеваша, и около Вологды воеваша, и Устюг город повоевав и пожгоша, и стояша на Устюге чегыре недели и в то время воеваша волости князя великого только за днище до Галича не доходиша».

Московский князь, повидимому, не был готов к такому отпору со стороны Новгорода и, скрепя сердце, был вынужден подписать мир по старине, то есть оставить на время свои давнишние виды на двинские земли.

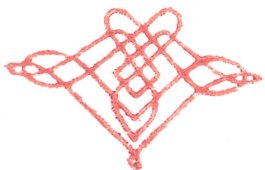
В течение XV века Московское княжество окрепло и стало могучим. Князь Иван III в 1478 году окончательно сломил сопротивление новгородских бояр, и боярская вечевая республика перестала существовать, Новгород вошел в состав единого русского национального государства.

Немалую роль в присоединении Новгорода к Москве сыграл сам новгородский ремесленный люд и крестьяне. Народные массы видели, что единственный путь к национальной независимости лежит через воссоединение всех русских земель в единое государство, и они всячески содействовали победе великого московского князя над новгородскими боярами, предававшими национальные интересы русского народа.

На Севере Ивану III пришлось провести ту же самую перемену, что и в самом Новгороде, то есть уничтожить власть и влияние новгородских бояр, отобрав их обширные владения в государственную казну.

Земледельческое население Севера, находившееся ранее в зависимости от новгородских бояр, стало называться «сиротами великого государя Московского», то есть крестьянами, сидевшими на земле государевой.

Упорная и долгая борьба Москвы и Новгорода за обладание богатым Заволочьем и Беломорскими землями окончилась, и они вошли в состав Московского государства. Это подчинение было прогрессивным явлением, так как вскоре, накопив силы, русский народ полностью сбросил татарское иго и создал единое могучее национальное государство.

ВII. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ

Колонизация на Севере привела к тому, что лучшие земли за волоком, особенно расположенные по южному и западному берегам Белого моря, а также в нижнем течении Северной Двины и Онеги были захвачены новгородскими боярами.

Знатные новгородские бояре по размерам своих владений в Заволочье иногда приближались к владетельным князьям. По среднему течению Двины и Онеги, помимо боярских полковников, издавна селились крестьяне, не бывшие в прямой зависимости ни от бояр, ни от монастырей. Особенно много таких поселений свободных крестьян было в XIII—XIV веках.

Эти свободные крестьяне были мелкими собственниками, сидевшими на земле, расчищенной ими под луга и пашни. В писцовых книгах их называли своеземцами или земцами. Имя первого поселенца нередко становилось и названием деревни: Андреевская, Ивановская, Мишкова, Демидовская, Федосеевская и др.

Вырубая дремучие леса и сжигая их, русские поселенцы неустанным упорным трудом создавали на расчищенных местах лесные поляны — «подсеки» и «починки», где сеяли несколько лет подряд рожь, ячмень, репу, лен и горох, а затем бросали участок под выгон скота и разрабатывали новый участок, вновь вырубая соседние дремучие леса.

В северной земледельческой полосе на десять лет считалось три года посредственного урожая и лишь четыре года хорошего, а в течение трех лет бывали неурожаи. Поэтому местное население очень рано обратилось к разработке различных других естественных богатств Севера.

Русские быстро и хорошо овладели морскими промыслами и стали отважными и неутомимыми мореходцами. Среди поселенцев Севера, в особенности новгородцев, выработался и

сохранился до наших дней тип бесстрашного помора, ходившего на утлых судах по ледовитым морям до самого Груманта (Шпицбергена), промышлявшего морского зверя. Даже по берегам Белого моря жители сеяли рожь и ячмень и разводили овощи. Этим занимались преимущественно женщины, так как мужчины уходили в море на рыбные и зверобойные промыслы.

Заливные поёмные луга по берегам рек и озер были благоприятны для разведения молочного скота, однако порода скота была мелкой и малопродуктивной. Скот племенной холмогорской породы был разведен здесь только в начале XVIII века от нескольких племенных коров, завезенных в Россию из Дании по особому распоряжению Петра I, заботившегося об укреплении северного хозяйства.

На первых порах земледелие на севере носило характер двухпольного севооборота (переложная система). И только в XVII веке начал прививаться более выгодный трехпольный севооборот, но введение его осложнялось тем, что овес сеяли преимущественно на высоких местах, подальше от холодных болот, а ячмень на более низких местах, ибо он вызревал до первых ранних заморозков и ему не вредила близость болот.

В долгие северные зимы поморы строили новые деревянные суда, «ладили», то есть чинили, конопатили и смолили старые, поправляли снасти, шили паруса, вываривали соль. Зима — самое свободное время у поморов, вот потому-то зимой и особенно оживленно в поморских селениях. С наступлением весны поморы уходили на морские промыслы в Мурманский край, в далекую заполярную Колу бить тюленя и других морских зверей. Этот промысел называется «весновальным», он самый опасный и нередко гибельный для поморов, которым приходится выходить в Ледовитый океан.

Вернувшись со зверобойного промысла и взяв запас продуктов, поморы «саются» на тони, разбросанные по берегу моря, и занимаются летним ловом рыбы. В конце июня поморские села пустеют. Женщины расходятся «страдать» на покосы для заготовки кормов на зиму для домашнего скота, и в поморских селах остаются только старики и дети.

Большое место в хозяйстве Поморья занимало солеварение, первоначально находившееся в руках монастырей и только позднее перешедшее в ведение государства, которое сдавало соляные промыслы на откуп частным лицам.

По берегам Белого моря в период наибольшего расцвета солеварения насчитывалось до тридцати пяти солеварен. Двена-

дцать крупных солеварен находилось в местечке Ненокса, на берегу Белого моря, они вываривали в год до 2000 тонн чистой поваренной соли, при этом сжигалось до 200 000 кубометров дров. Лучшей считалась соль, вываренная не из морской воды, а из соленых ключевых источников.

Вываривание соли производили таким образом: в большом сарае, построенном на берегу моря или вблизи соляного источника, подвешивали к балкам, установленным на четырех столбах, огромный железный короб, называемый «черен», который наполняли соленой водой. Под ним разводили сильный огонь и кипятили воду до тех пор, покада вся она не испарится. Затем соль выгребали и досушивали на солнце.

Беломорская соль шла для продажи не только на севере, но и отправлялась по зимнему санному пути через Каргополь и Вологду в центральные области Московского государства.

Солеварение на севере стало сокращаться, а затем и вовсе прекратилось в конце XIX века, в связи с более дешевой добычей соли в озерах Эльтон и Баскунчак.

В северных лесах и особенно по реке Ваге с давних времен было развито смолокурение и дегтекурение. Смолу и деготь с Ваги по большой воде направляли в Архангельск, а оттуда развозили по стране, а частью отправляли и в заморские страны. Смола находила большой спрос в кораблестроительном деле.

Многочисленные реки Севера изобилуют рыбой. Мелкие реки и речки, а также ручьи и протоки между озерами обычно преграждаются рыболовными «заколами», то есть деревянными изгородями с отверстиями, в которые ставили мережи или сплетенные из ветвей ивы «морды».

Кроме описанных промыслов на севере с давних времен были развиты: выделка кож и мехов, бондарное дело и гончарное производство. В Каргополе была развита переработка мехов. За день здесь выделывали для вывоза за границу несколько сот шкур. Здесь же искусные гончары наряду с посудой из глины изготовляли глиняные игрушки.

VIII. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РУССКОГО СЕВЕРА

Своеобразным территориальным делением Севера, как и всей Новгородской земли, были погосты. В XII веке в Заволочье уже было до двадцати погостов и крупных поселений.

Церковный погост был объединяющим центром для разбросанных вокруг него селений. Он служил не только местом совершения религиозных обрядов, но и местом для оформления разного рода правительственных актов и гражданских сделок. Название «погост» с части распространилось на целое, с пункта, где находился храм, на всю округу, прилегавшую к этому храму *.

Заселение Севера новгородцами происходило в то время, когда родовой строй в новгородских пятинах уже распался и, следовательно, переселения на север большими родовыми общинами не могло быть. Вероятно, переселенцы шли в Заволочье большими семьями, напоминая сибирскую задругу. Полную характеристику сибирской задруги дал Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Первоначальный крестьянский двор, благодаря быстрому увеличению обитавшей в ней семьи, разрастался в поселение из нескольких дворов. В течение одного-двух веков поселок превращался в целую группу деревень — волость.

Северная волость всегда имела одно и то же географическое положение. Входившие в ее состав поселения обычно располагались узкой лентой по берегам реки или озера. Чаще всего волость называли по имени реки, на которой расположены ее поселения, реже — по главному селению, служившему для нее

* Более подробно см. М. Богословский, Земское самоуправление на Русском Севере, М., 1909 — 1911.

центром, или по приходской церкви. Нередко волости не давались особого имени, а просто указывалась река, например «волость по реке Шожме», «волость по реке Лимь», «волость по реке Лепше» и так далее.

Связь между волостями в летнее время осуществлялась только по рекам и озерам. Леса и болота, простиравшиеся на десятки километров, мешали установлению тесных связей.

Крестьянские общины Двинской земли на первых порах были объединением свободных мелких землевладельцев, связанных между собой по большей части кровно-родственными узами. Общин, зависимых от бояр и монастырей, было мало.

Деревенский строй Севера в XIII — XV веках имел примерно такой вид: среди необозримых земель, покрытых девственными лесами, болотами и озерами, расселялись небольшие самостоятельные общины. «Село или деревня, что для севера едино, есть обособленная земельная единица, в центре которой стоит двор или небольшая сумма дворов, к которым тяготеет известная совокупность земельных угодий, притянутых к этому центру трудовым захватом»*.

Для северных поселений была характерна большая семья, ведущая одно общее хозяйство.

С течением времени в семье этого типа, наряду с общеунаследованной от дедов и прадедов собственностью, появляется личная собственность отдельных ее членов, заработанная или приобретенная ими на стороне.

И, наконец, эта семейная община стала делиться на кровные семейства, где вместе живут уже только отец, мать и дети. Причем земли, разработанные дедами и прадедами, разделу не подвергались, а ими пользовались все члены общества. Разделу не подвергались также пастбища, мельницы, тони, лесосеки и места заготовки дополнительных кормов для домашнего скота.

Обширные земли, распределялись во временное пользование между членами общины по числу взрослых ее членов. Помимо пользования общинной землей, каждая семья огнем и топором отвоевывала у таежных лесов дополнительные земельные участки, которые поступали в ее личное распоряжение.

Разложение семьи этого так называемого «задружного типа» вело к некоторому улучшению правового положения женщины — увеличивало ее влияние в хозяйственной жизни.

* А. Я. Ефименко, Исследование народной жизни, стр. 205—206.

Наряду с семьей задружного типа нередко встречались семьи, создававшиеся путем складчины, о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные документы и договоры, заключенные складниками. Чем же было вызвано появление складничества?

Процесс колонизации часто требовал соединения в товарищеские союзы нескольких семейств крестьян, так как не всегда было под силу отдельному поселенцу справляться с трудностями земледелия и особенно промыслового хозяйства.

В разработке новин под пашню и расчистке берегов лесных рек под луга мы также встречаем небольшие союзы товарищей-складников.

Мельницы на реках также нередко строились не просто родственниками, сил которых для этого было недостаточно, а вскладчину, то есть по долям. Работников на эти мельницы нанимали на общинные средства, а ремонт производился всеми дольщиками. Зерно мололи тоже по долям. Своеобразную форму дольщика можно было на севере наблюдать вплоть до коллективизации. (В Веральском сельсовете, Няндомского района, крестьяне содержали коллективно мельницу на реке Лепше. Каждый имел свою долю, называемую «сутки», то есть право в порядке очереди пользоваться мельницей в течение суток. Крестьянин, имевший суточный пай, выставлял на ремонт одного человека и нес издержки по восстановлению мельницы).

Складничество нередко проникало в семейный союз. Тогда складывались лица, равноправные по имущественному положению, и в «складной живот» входили деревенские участки обеих сторон.

Складничество юридически оформлялось в виде договора. Так, например, два крестьянина заключают договор складничества на десять лет, чтобы в течение этого времени им составлять одну семью.

Через десять лет такие складники делились так же, как обычно это делали, когда расходились, родные братья.

В 1703 году крестьяне Каргопольского уезда, Ряговской волости, Дмитрий Тимофеевич Лазарев и Евдоким Лукич Лазарев «написали промеж себя договорное письмо». Дмитрий отдал Евдокиму свой тягловый участок и часть пустоши «в вечное владение без поворота, а Евдоким за это должен его, жену и дочерей кормить, поить, одевать, обувать и всяким покоем поконить».

Когда крестьянская семья выдавала замуж девицу, принимала зятя в свой дом, — тогда составляли особые записи — приемные складные, по которым зять обязуется слушаться во всем своего тестя. Такие складные грамоты писали не от имени жениха и невесты, а от имени их родителей.

Подчинение Новгорода Москве внесло большие изменения в формы землевладения. Земли большинства новгородских бояр, оказавшихся непримиримыми противниками великого князя Московского, были конфискованы в пользу «Государя всея Руси». Мелкие владельцы земли превратились в государственных крестьян, или, как тогда их называли, «сирот великого государя Московского».

Завладев Беломорским севером, великий московский князь Иван III признал все крестьянские земли «черной государевой землей» и потребовал от ее владельцев документального подтверждения прав на распоряжение ею. Крестьяне били челом правительству, прося закрепить за ними их земельные участки, утверждая, что занимаемая ими земля была займищем их предков, что «она от веков вотчина их дедов и прадедов, а о письменных документах они никогда не слыхали, да и таких грамот на деревне у них никогда не было».

Крестьяне в глазах верховной власти были как бы жильцы на государевой земле — «жилецкие люди», обложенные податным тяглом за право пользования землею, а поэтому их иногда называли данными крестьянами. Вся земля стала считаться как бы данной в надел крестьянину правительством.

Размер надела и налогового тягла исчислялся путем «вытей», которые одновременно являлись и единицами поземельного надела и единицами податного обложения.

В XV—XVI веках на Севере, не знавшем крепостного ярма, сложилась замечательная организация выборных крестьянских органов, связывающая деревню, село, волость и город в сложную всеуездную самоуправляющуюся организацию.

Жители села собирались на сходы для обсуждения насущных вопросов. Каждый двор представлял на этом мирском сходе глава дома. «Мир» избирал наиболее богатых и влиятельных людей: волостного старосту, земский суд и «добрых людей». Эти «добрые люди» были обязаны присутствовать при разных сделках. «Мир» на севере — это самоуправляющийся публично правовой общественный союз, связанный интересами общего блага. Он стоял над частными союзами землевладель-

цев и прежде всего заботился о поддержании порядка, общественной безопасности и соблюдении правосудия. Каждый житель волости с большой почтительностью относился к решениям, принятым всем «миром», ибо «мир» в их глазах являлся самой авторитетной властью на селе.

Приведем характерный пример. В 1636 году Сольвычегодский всеуездный мир обратился к воеводе с настойчивой просьбой: «казнить восемь разбойников, заключенных в тюрьму, от которых житья не было городу и уезду». Воевода медлил выполнить акт правосудия, ссылаясь на отсутствие государева указа. Тогда мир сам покончил с разбойниками. При огромном стечении жителей преступники были выведены на берег Вычегды и там казнены.

Мир защищал своих членов не только от злодеев — татей и недругов со стороны, но и от тех своих сочленов, которые ставили личные интересы выше общественных. Таких людей объявляли «миропродавцами», или «мирскими съедниками».

С развитием самоуправления несколько волостей смыкаются во всеуездные миры.

С тридцатых годов XVI века государство постепенно стало приспосабливать мирские органы для своих интересов. Оно возлагает на крестьянский мир также разверстку и сбор государственных повинностей, вводит штат специальных судебных или финансовых агентов для сбора тягла.

Юридически вся земля на севере была собственностью государя, а на деле ею распоряжался на правах постоянного владения тот, кто ее возделал, или тот, кто ее купил.

Бывшие боярские половники, освободившись из-под власти новгородских бояр, начинают смотреть на землю, как на свою собственность. Но все же с половничеством не было покончено, так как значительная часть конфискованной боярской земли была передана в собственность северных монастырей, которые сумели превратить часть боярских половников в зависимых от монастыря крестьян.

Развитие феодальных отношений в центральных областях Московского государства привело к тому, что Иван III, удовлетворяя желание бояр и помещиков, издал в 1497 году Судебник, в котором 58-й статьей значительно ограничил переход крестьян от одного помещика к другому неделей до Юрьева дня и неделей после Юрьева дня. Крестьянину разрешалось переходить от владельца к владельцу после завершения всех

сельскохозяйственных работ и уплаты за «пожилое», то есть за двор, которым он пользовался. Этот законодательный акт Ивана III был первым крупным шагом на пути к полному закреплению русского крестьянства. На Беломорском севере это мероприятие правительства преломилось в призме местных особых социальных отношений, так как здесь не было сколько-нибудь значительного числа бояр или помещиков, а монастыри хоть и имели большие земельные площади, но были разбросаны по необъятному Северу, как островки по океану. Для крестьян, состоявших в сельской общине и несших податное тягло, было ограничено право добровольного перехода из одной общины в другую. Крестьянин мог уйти только в том случае, если находил на свое место «жильца», согласившегося принять на себя все обязанности члена данной общины и связанные с этими обязанностями повинности.

Крестьянин, несший податное тягло и ушедший без согласия общины, считался беглым и мог быть возвращен на старое место жительства насильно.

Почему же община удерживала тех крестьян, которые стремились уйти в другие места?

Государство взимало подати согласно писцовым книгам, составляемым не ежегодно, а через длительные промежутки времени. В случае большого сокращения членов общины оставшаяся часть общины была бы обязана платить за них подати, что было не в интересах общины.

В XVI веке среди северных крестьян впервые встречаются бобыли. Упоминание о них имеется в уставной грамоте 1584 года, которую дал Соловецкий монастырь своим крестьянам. В ней сказано: «а с бобылей, кои живут о себе дворцами, с тех имати приказчику по две деньги Московскую».

С крестьян, ведущих обычное хозяйство, взимали в то время по четыре деньги. Следовательно, бобылем назывался бедный крестьянин, сидевший на небольшом участке земли и плативший часть повинностей, падавших на тягло. Многие бедные крестьяне были вынуждены все более дробить тягловый надел и становиться бобылями.

В то же время в писцовых документах встречаются упоминания о «казаках», которые находятся в работниках у богатых крестьян и духовенства. Они (батраки) не были уже членами сельской общины и поэтому не состояли в податном тягле. В народе их называли людьми, живущими «за чужим тяглом».

Они не пользовались никакими общинными правами, но зато могли переходить куда угодно до тех пор, покуда где-либо не получали свою долю земли — тягло. С получением земли на них распространялись все обязанности, которые возлагало тягло на землевладельца.

Эти краткие сведения красноречиво свидетельствуют о том, что уже в то далекое время среди крестьян Севера происходило серьезное расслоение на богатых и бедных. За счет беззащитной эксплуатации своих односельчан богатеяла небольшая часть «мирских съедников» — кулаков. Они разными путями округляли свои земельные участки. Не ограничиваясь земледелием, кулаки стали заниматься торговлей и организацией лесохимических промыслов, а в Беломорье — вываркой соли. Так на севере вырастали свои местные Морозовы, Прохоровы и Горелины.

Г. В. Плеханов в своих работах отмечал, что именно на севере сельская община сохранилась в более чистом виде.

Сельская община просуществовала на русской земле в несколько видоизмененной форме вплоть до XX века.

Царское самодержавно-бюрократическое правительство не только не разрушало, а наоборот, долгое время оберегало ее, так как крестьянская община была на самом деле удобной формой для прикрытия кулацкого засилия и дешевым средством в руках царизма для сбора налогов с крестьян по принципу круговой поруки. Потому-то царизм не трогал крестьянскую общину*.

Но после революции 1905 года царизм, напуганный революционными выступлениями крестьян, решил создать себе опору в деревне в лице зажиточных крестьян и кулаков-хуторян. Царский министр-реакционер Столыпин решил разрушить сельскую общину, которая серьезно мешала расхищению общинных земель кулаками-мироедами. По столыпинскому земельному закону (от 9 ноября 1906 года) разрушалось общинное пользование землей. Каждому крестьянину предлагалось взять свой надел в личное владение, выделиться из общины. Крестьянин мог продать свой надел, чего он не имел права сделать раньше.

За период с 1906 по 1917 год часть крестьян Севера выделялась из общины и вышла на хутора. Но массового распространения система хуторов на севере так и не получила.

* Краткий Курс истории ВКП(б), стр. 15.

IX. БОРЬБА СЕВЕРА С ИНТЕРВЕНТАМИ

Прошлое нашего Севера хранит немало славных воспоминаний из истории героической борьбы с иноземными захватчиками и пиратами.

Первые грабительские набеги на Беломорский север относятся к X веку. Об этом говорят исландские саги. В 920 году в устье Северной Двины плавал Эрик Красная Секира. Его отряд опустошал и грабил прибрежные селения. Сын его Гарольд Серый Плащ в 965 году совершил поход в устье Северной Двины, где по примеру отца разбойничал и, как сказано в саге, «блестящий меч свой окрасил в кровавый цвет». Разбойничал здесь и сын Гарольда — викинг Эйрик. В 1026 году устье Северной Двины посетил викинг Торер Собака. Начав с мирной торговли, он кончил тем, что разграбил храм Юмалы, находившийся, по мнению некоторых ученых, на одном из островов Северной Двины в районе Холмогор.

В 1222 году в Беломорье снова появились скандинавы во главе с дружинником короля Гакона Иваром. Как и все его предшественники, Ивар грабил и убивал местных жителей. На обратном пути корабль Ивара потерпел крушение в горле Белого моря.

Распространяясь на Беломорском севере, русские стали строить в устье Северной Двины деревянные крепости. Первая крепость «Орлец» была построена в 1342 году. Несколько позднее на западном берегу Белого моря были возведены Кемский и Сумский остроги.

В 1412 году шведы и норвежцы на шняках приплывают с моря и грабят русские и карельские поселения в устье Северной Двины. Двинской воевода, собрав стрельцов и местных жителей, обращает скандинавских пиратов в бегство.

В 1419 году шведы и норвежцы снова вторгаются в наши пределы. Разграбив селения в устье Онеги, а также Карельский и Ненокский погосты, они появляются на Двине, грабят Николо-Карельский и Архангельский монастыри, двигаются вверх по Двине, опустошают Кегостров, Княжостров, Курью и другие поселения.

Двиняне собирают небольшое, но храброе ополчение и смело выступают против врага. После упорного боя было уничтожено два вражеских судна, а остальные пустились в бегство.

В конце 1577 года в Западной Европе привлек к себе внимание сумасбродный план интервенции в Московию и в частности захвата русского Севера. Такие планы возникали не раз в XVI—XVII веках. Этот план был составлен своеобразным «знатоком» России — вестфальским уроженцем Генрихом Штаденем.

Типичнейший авантюрист, Штаден (род. в 1542 году) смолоду попытался поискать удачи в России, пробрался в 1564 году в Москву, занимался разными темными делами и, наконец, сумел затесаться в опричину. В опрочине он был около шести лет. Однако после набега Девлет Гирея (1572) Штаден при пересмотре вотчин лишился части своего имения. Он пустился в новые предприятия, завел мельницу в Рыбинске и, наконец, отправился в Поморье, где выгодно скупал и перепродавал меха, побывал в Вологде, Белозерске, Каргополе и далекой заполярной Коле. В 1576 году Штаден покинул Россию, наведаясь в Голландию, сунулся в Швецию и, наконец, стал странствовать по Германии, предлагая немецким князьям свои услуги по части проникновения в Московию.

Штаден заинтересовал своими рассказами графа Георга Ганса Вельденцского, для которого составил описание России, русских товаров, путей сообщения, состояния хозяйства и устройства ратных дел. Проявил он знакомство с Севером и даже с Сибирью. Он приводит некоторые сведения о ненцах и тунгусах, об их торговле мехами, причем ссылается на некоего сборщика ясака с самоедов Петра Вислоухова, с которым, по его словам, «имел дела и дружбу» на Пустозере.

«У самоедов нет государей, — писал Штаден, — люди они дикие, питаются рыбой, птицей и мясом оленей. Они же стреляют и ловят в своей стране соболей, приносят на продажу

русским и выменивают их на сукно, котлы, сало, масло, панцыри и толокно» *.

По расчетам Штадена, в походе на Москву должны были участвовать Пруссия, Польша, Швеция и несколько мелких княжеств. Он даже подсчитал, что для покорения русской земли будто бы потребуется двести кораблей, двести орудий и сто тысяч солдат.

Штаден указывал, что деньги на ведение этой войны надо собрать во всех государствах Европы, а шкиперов вербовать в приморских городах.

Однако всерьез ссориться с Москвой император Рудольф и другие европейские монархи не хотели, ибо в это время на Европу надвигалась угроза турецкого нашествия.

В 1580 году три тысячи хорошо вооруженных шведов неожиданно приходят с моря и осаждают Кемский острог. На подступах к городу разгорелся упорный бой, продолжавшийся трое суток.

Стрельцы и местные русские жители под командой опытного предводителя Оничкова успешно отбили натиск врага, а на четвертые сутки сами перешли в наступление и заставили остатки шведского войска отступить.

В тот же самый год другой отряд шведов безуспешно пытался ограбить Соловецкий монастырь, но потерпел жестокое поражение от Соловецкого гарнизона.

В 1590 году отряд шведов и финнов численностью в семьсот человек приплыл на лодках по реке Ковде, разорил селения Ковду, Умбу, Кереть и другие, а затем, не принимая боя с регулярными войсками, поспешно ушел за границу.

В том же году шведские военные корабли напали на Колу. Жители успели спрятать свое имущество в лесу, у подножья горы Соловарки. Там же укрылись женщины и дети.

* Генрих Штаден, О Москве Ивана Грозного, Записки немца-опричника, перевод и вступительная статья И. И. Полосина, М., 1925, стр. 54.

Одновременно с этим сочинением Штаден представил план вооруженного вторжения в Московию с Мурманского побережья, военной оккупации от Колы до Онеги. Штаден намечает пути, по которым должна двигаться армия захватчиков от Колы до Кандалакши и дальше на юг по течению многоводных рек; он рассказывает об укреплениях на Печенге и советует, каким образом их захватить. Штаденом руководил не столько трезвый расчет, сколько простая алчность, однако его вздорный план не был отвергнут сразу немецкими князьями, а послужил предметом большой дипломатической переписки, в которую был вовлечен и двор императора Рудольфа II.

Шведы, приметив в лесу движение людей, подумали, что тут большая засада ратных людей и, не приняв боя, стали отходить к морю. Увидев отступающего противника, кольские жители и стрельцы бросились его преследовать, захватили в плен шведского воеводу, отняли у врагов все награбленное и прогнали их в море.

Желая обезопасить себя от частых разбойничьих набегов шведов, кольские поморы послали в Москву челобитную, в которой просили у правительства защиты.

За успешное отражение вражеского нападения царь Федор Иванович (сын Грозного) дал кольским жителям льготную грамоту с освобождением их от податей и всех прочих повинностей на три года.

Набеги иностранных разбойничьих отрядов вынудили царское правительство прислать на Север пятьсот стрельцов. Эта вооруженная сила была предназначена, прежде всего, для защиты Соловецкого монастыря, на который не раз покушались захватчики. В 1584—1594 годах монастырь был обнесен толстыми каменными стенами, за которыми могли укрыться и местные жители.

В 1592 году отряды шведов под командой королевских воевод Мавруса Лаврина и Гавнуса Иверста нападают на слабо защищенные поморские селения, грабят мирных жителей, разоряют хлебные склады и соляные варницы, сжигают селения Вирму и Сухое, затем, в начале сентября, подступают к Сумскому посаду.

В Сумском посаде в это время был острог из шести рубленых башен, снабженных пушками, ядрами, порохом и свинцом. В гарнизоне острога было всего сто тридцать стрельцов. На помощь им вооружились все мужчины, юноши и многие женщины посада.

Отбив вражеские атаки, осажденные вышли из острога и перешли в наступление. В жестоком рукопашном бою, в котором русские воины храбро дрались за свою родную землю, было убито много шведов и в том числе их воевода, а все остальные позорно бежали с поля боя.

Желая дать памятный урок грабителям, в 1593 году был совершен через Карелию ответный поход русских войск против шведов.

В 1610—1612 годах великий русский народ под руководством народных героев Минина и Пожарского вел героическую борьбу с польско-литовскими интервентами.

Русский Север в эту пору был одним из вернейших оплотов нашей родины против посягательства иноземных захватчиков. Поморье как бы чувствовало свое значение, свою силу и ответственность перед всей Русью. «Единодушие, взаимное доверие и согласованность действий, отличавшие в эту пору деятельность северных городов, — писал академик С. Ф. Платонов, — истекали не только из единства народных чувств и политических симпатий, но также из однородности мирской организации по городам и из торгово-промышленных отношений, скреплявших взаимною связью хозяйственную жизнь различных районов московского Севера. Привычные отношения северных городов с другими городами и с собственным уездом много содействовали устройству военной обороны края, собиранию ратей и соединению их в важнейших пунктах борьбы» *.

На севере собирали рати «пособных людей», которые принимали участие в защите нашей земли от польских и прочих авантюристов, бесчинствовавших в стране. Бродившие всюду шайки проходимцев, грабивших города и села, получили на севере самый чувствительный отпор. Следует отметить и роль Соловецкого монастыря в защите наших северных окраин. Монастырь содержал за свой счет гарнизоны как в своих собственных стенах, так и в Сумском посаде и Кемском остроге, укрепленных по его почину. Монастырь покупал «зелье» (порох), поставлял всякий воинский снаряд.

В течение нескольких лет шведы пытались склонить Соловецкий монастырь на свою сторону, заводили дипломатическую переписку.

В 1609 году шведский воевода Исаак Бем «доведывался» у игумена монастыря, чью власть он признает: «С кем ты держишься, с Василием ли Ивановичем Шуйским или с Дмитрием, которого поляки и литвяне посадили над вами царем и великим князем». Затем шведы стали претендовать на Сумский посад, утверждая, что он уже отошел к ним по договору с Москвой: «Ваш царь Василий и князь Михайло Шуйский-Скопин сулили нам за нашу выслугу три города: город Корельский, да город Орешек, да Кольский, и пересулили нам за Орешек Сумский острог за нашу выслугу» **.

Наконец, шведы вознамерились силой захватить монастырь и в 1611 году с большими силами приплыли к островам,

* С. Ф. Платонов, Очерки по истории смутного времени, стр. 379.

** Грамоты шведских воевод к игумену Соловецкого монастыря в «Памятной книжке Архангельской губ. на 1913 год».

расположенным недалеко от монастыря, известным под именем «Кузова», но, простояв целое лето без успеха и не отважившись напасть на монастырь, возвратились. Когда в Москве узнали о происках шведов, то прислали в Сумский острог отряд ратных людей под начальством опытного воеводы Максима Васильевича Лихарева и стрелецкого головы Елизара Беседнова. На Сумский острог шведы также не посмели напасть, но зато разорили волость Толвую в Заонежских погостах, чем побудили воеводу Лихарева предпринять туда поход, закончившийся весьма успешно.

После этого шведы еще раз осмелились напасть на наш Север только в 1701 году, но и на этот раз они были разбиты в бою у Новодвинской крепости и вынуждены убраться ни с чем.

Кроме шведов Северу в 1613 году пришлось отражать нападение поляков и литовцев. Поляки, разбитые под Москвой и отрезанные от Польши и Литвы, устремились под командой пана Лисовского на север.

Известный историк С. М. Соловьев по этому поводу писал: «Из Вологодского уезда пошли литовцы в поморские города, воевали Вагу, Тотемские места и Устюжские, потом пошли в Двинскую землю к морю, шли местами непроходимыми и вышли в Новгородском уезде к Сумскому острогу».

По Двине, в Холмогорах, на Емце уже поджидали «воров» Двинской воевода Петр Иванович Пронский и народное ополчение. Пронский стал строить острог в Холмогорах и соорудил второй острог на Емце. Емецкий острог был довольно сильным укреплением, построенным по всем правилам инженерного искусства того времени. В остроге было поставлено несколько пушек и созданы запасы пороха и свинца.

Распорядительный воевода не постеснялся употребить на укрепление Емецка здание Ивановского женского монастыря, переселив монахинь в емецкий мужской Покровский монастырь. Из Покровского монастыря монахи были переселены в Антониев-Сийский и Спасский монастыри.

Неподалеку от этого острога, на месте слияния речки Шарпихи с рекой Емцей, а также на возвышенности, называемой «Городок», расположилась в засаде сотня стрельцов.

В ноябре 1613 года шайки поляков и литовцев показались с двинской стороны, стали убивать и грабить крестьян, отлучившихся из острога. Заметив острог, литовцы пошли вверх по Емце и начали переправляться на правый берег речки Вай-

муги. Стрельцы и вооруженные крестьяне внезапно ударили на литовцев из засады. Место было гладкое и безлесное. Поляки и литовцы, зажатые между двумя реками, были разбиты *.

Сотник Чертовский забрал три знамени и двух «языков». На допросе у воеводы в Холмогорах пленные показали, что «воров» пришло на Вагу до семи тысяч и что они скоро подойдут к Холмогорам, так как здесь «острогу не чают». А между тем поспел и Холмогорский острог. Сюда из Архангельска привезены пушки и порох. Сюда же подошел с сотней стрельцов и герой битвы у Емецкого острога сотник Чертовский.

6 декабря поляки и литовцы появились на виду у Холмогор. Стрельцы и холмогорские охотники, сделав вылазку из острога, встретили неприятелей в Ерзовке, но те захотели их отрезать от крепости, — «от острогу отлучить», а для этого «почали лошадьми объезжать и пехотою обходить». Но русские, заметив их обход, стали отходить с боями. Сотник Чертовский распорядился «запалить огнем» посад против острога и церковь Зосимы и Савватия. Многочисленное вражеское войско обложило острог. Лазутчики и перебежчики сообщили, что готовится штурм острога и на приступ припасены возы соломенные и смоляные, а также веники, «окупанные в смолу и сало», для поджога острога. Но защитники крепости не пали духом, а сами совершили отважную вылазку.

Хотя нападающие значительно превосходили численностью осажденных (одних конных с пищальми было до трехсот), все же поляки и литовцы не отважились на приступ и часть из них ушла вниз по Двине к Архангельску, а другая пошла к Каргополю.

Архангелогородцы, побросав свои амбары и лавки, наскоро вооружились и влились в местный гарнизон, состоящий всего лишь из сотни стрельцов (другая сотня находилась в это время в Холмогорах). Появились перебежчики и вражеские лазутчики. 14 декабря в город пришел один архангельский крестьянин и объявил, что его «вместе с другими мужиками поймали в побеге и требуют выкупа в пятьдесят рублей». За эти деньги его и отпустили в город, взяв с него крестное целование, что он воротится. Крестьянин рассказал, что враги замыслили взять город исподволь измором «и всяким промыслом промышлять над городом».

* С. М. Архангельский, Сборник, СПб. 1844, стр. 86 — 88.

Но напасть на Архангельск «литовские люди» также не решились и двинулись к «студеному морю», в Поморье, где, по выражению летописи, «русских людей множество жгли и поби-вали и животы (имущество) их грабили» *. Они напали на Ни-коло-Карельский монастырь и, как потом доносил игумен Кал-листрат, — «монастырские промыслы и вотчины повоевали и ра-зорили до основания, казну монастырскую взяли, и хлеб коня-ми стравили, и животину рогатую побили и старцев и слуг и крестьян многих побили, и иных жгли и мучили» **.

Поляки и литовцы прошли с огнем и мечом через Лодьму, посады Неноксу, Луду и Уну, везде грабили, жгли крестьян-ские дворы и церкви, разоряли соляные варницы.

Наконец, они снова подступили к Сумскому острогу. Но тут на них напали стрельцы и многих побили. Потрепанные польско-литовские отряды ушли в Заонежье, где их настигли царские воеводы и опять основательно побили. Поляки и ли-товцы рассеялись по глухим олонецким лесам, превратились в озлобленные шайки разбойников; в конце 1614 года они на-пали на Кандалакшский монастырь и разорили его. Еще в 1619 году поляки нападали на Вагу, грабили Пуйскую волость Шенкурского уезда.

Однако отрядам крестьян и охотников с помощью стрель-цов удалось вскоре окончательно вывести эту нечисть из наших северных окраин.

* Двинская летопись, изд. Титова, стр. 19.

** Акты археологической экспедиции; т. III; стр. 69.

Х. НАЧАЛО ЗАМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ

В середине XVI века в Англии становится все более заметной деятельность «купцов-странствователей», — создавших общество «искателей стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и доселе не посещаемых морским путем». Это общество родилось в обстановке яростной конкуренции Англии с Испанией и Португалией. Эти страны уже доживали последние дни расцвета и преуспевания, вызванного великими географическими открытиями в XV веке Христофора Колумба (1492) и Васко де-Гама (1498). В Испанской империи, по известному горделивому выражению, тогда «не заходило солнце». Внешний блеск и великолепие этой стремительно разбогатевшей страны еще скрывали внутреннюю слабость и развращающее действие паразитически приобретенного богатства. Но инициатива в торговле и мореплавании постепенно перехватывалась Нидерландами. Цепкие и упрямые голландцы искали все новых и новых рынков и торговых путей.

Наряду со сказочно богатой Индией, куда стремились проникнуть все европейские государства, все больше и больше внимания начинает привлекать и необъятная Россия. Европейские купцы, ученые и дипломаты, корыстолюбиво и жадно расспрашивают заезжих на запад русских людей об их земле. Когда к папе Клименту VIII прибыл посланник московского князя Василия Ивановича, умный и толковый русский посол Герасимов, хорошо владевший латинским и немецким языками, не раз ездивший в чужие края толмачом, в него буквально вцепился итальянский писатель и географ Павел Иовий, составивший из рассказов Герасимова целую книгу.

Книга Павла Иовия вышла в 1537 году. Она выдержала несколько изданий и переводов. В ней было много фантастических сведений, ибо Иовий еще не мог уйти из-под власти

античных географических представлений и по-своему переосмысливал сведения, полученные от Герасимова. Но наряду с этим в книге Иовия было немало и правильных утверждений. Он, например, сообщает, что «Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к Северу» и что «море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до Китая, если в промежутках не встретится какой-нибудь земли».

Большую роль в ознакомлении с Россией сыграли вышедшие в 1549 году «Записки о Московских делах» Сигизмунда Герберштейна (1486—1556). Герберштейн дважды ездил в Россию послом императора Максимилиана—в 1516—1518 и 1526—1527 годах. Дипломат и ученый, он прилежно собирал сведения о России, был знаком со всеми появившимися о Московии и Восточной Европе сочинениями, встречался с Павлом Иовием. Знание славянских языков Австрии помогло ему овладеть и русским языком. Он поместил в своем сочинении отрывки из русских летописей, Судебника Ивана III и других памятников древнерусской письменности. Им же был переведен «Русский дорожник» — расписание путей на Печору и Югру и к реке Оби, причем Герберштейн старался сохранить «те названия местностей, какими они именуются у русских». Этот «Русский дорожник» не сохранился в подлиннике и дошел до нас только по сочинению Герберштейна. Герберштейн своими подробными описаниями богатств России и особенно Беломорского севера и Сибири пробудил в Западной Европе интерес к этим странам*.

Сведения о северных морях, омывающих великую Россию, все чаще и чаще проникают в Западную Европу и порождают беспокойные мечты найти здесь северный морской путь в Индию и Китай. Это была как раз подходящая идея для

* Герберштейн, Записки о Московских делах, с приложением книги о московском посольстве Павла Иовия Новокомского, введение, перевод и примечания А. И. Маленина, СПб. 1908.

Известия Герберштейна о Севере разобраны в статье А. П. Е р ю х и н а в Трудах Арханг. губ. стат. комитета за 1890 г.; Архангельск; 1891; стр. 1—29.

Сводка относящихся к Северу известий западных путешественников и библиографические обзоры, посвященные отдельным путешественникам, даны в книге проф. М. П. Алексеева, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, 2-е изд., Иркутск, 1941.

упомянутого выше общества английских купцов-искателей. Солиднейшие лондонцы во главе с лордом-мером города Джорджем Барнсом и основателем первой биржи Томасом Грешемом собрали шесть тысяч фунтов стерлингов на снаряжение арктической экспедиции, сулившей впоследствии солидные прибыли.

Три корабля: «Добрая Надежда» (120 тонн водоизмещения, 38 человек экипажа), «Благое Упование» (90 тонн водоизмещения, 28 человек экипажа) и «Эдуард Благое Предприятие» (160 тонн водоизмещения, 50 человек экипажа), а всего 116 человек команды и пассажиров, 20 мая 1553 года отплыли на север из города Гетфорда на Темзе. Экспедицию возглавлял Хью Виллоуби. Главным кормщиком был капитан Ричард Ченслер. Корабли легли на северный курс и через несколько недель достигли северной оконечности Европы. Недалеко от Нордкапа суда попали в сильный шторм и их рассеяло по океану.

Ричард Ченслер, переждав бурю на своем корабле «Эдуард Благое Предприятие», направился в норвежский порт Вардехус, где целую неделю тщетно ждал прибытия других судов экспедиции, а затем решил один продолжать путь.

Наконец корабль вошел в Белое море и 24 августа 1553 года бросил якорь неподалеку от Николо-Карельского монастыря, в устье Северной Двины.

Ченслер вступил в сношения с местными рыбаками, расспрашивая о земле, куда он попал и о которой не имел ни малейшего представления. Про себя он считал встреченных им людей варварами.

Русские радушно встретили иноземцев и охотно предлагали новоприезжим купцам съестные припасы. О прибытии иноземцев было послано известие в Москву.

Холмогорскому воеводе Макарову Ченслер представился как посол Эдуарда VI. Корабль был введен на зимовку в Унскую губу, Ченслер расселил команду по крестьянским избам и стал собираться в Москву. Он выехал из Холмогор 23 ноября, даже не дождавшись царской грамоты, которую получил в дороге.

О его товарищах по экспедиции все еще ничего не было слышно. Только в следующую зиму дошло в Москву известие, что на пустынном берегу Кольского полуострова, в Нокуевой губе, поморы нашли два корабля: «стоят на якорях в становище, а люди на них все мертвы и товаров на них много». (Двинская летопись под 1555 годом).

После Виллоуби остался дневник, который он вел до дня смерти. Дневник был доставлен в Москву, а все товары, пушки и корабельные снасти переписали и доставили в Холмогоры. Не смущенный отсутствием известий о других членах экспедиции, Ченслер бодро ехал в Москву санным путем. Лошади были ему предоставлены бесплатно.

Принятый царем Иваном IV Грозным, Ченслер также назвался послом английского короля и вручил грамоту, написанную в общих выражениях ко всем владыкам неведомых северных стран, куда бы судьба ни забросила посланную экспедицию. Английский король в грамоте просил благосклонно принять членов экспедиции и заверил, что единственная цель их путешествия — открытие новых земель и установление тесных связей с народами Севера.

Умный и проницательный царь Иван Грозный сразу оценил огромное значение этого события и принял Ченслера и его спутников с большим гостеприимством. Переговоры были настолько удачны, что привели к установлению дипломатических и торговых отношений России с Англией.

Закончив переговоры и получив от царя грамоту на право торговли с Московским государством, Ченслер 15 марта 1554 года отправился в Холмогоры, а в конце мая отплыл на своем корабле обратно в Англию.

Время, проведенное в Москве, позволило Ченслеру собрать много сведений о русском государстве. Ченслер быстро освоился в новой обстановке и проявил острый интерес к русскому рынку, всем видам русских товаров, их происхождению, добыче, транспорту, ко всем особенностям русской торговли. Обо всем этом он представил обстоятельный доклад, в котором писал: «Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются. Русские — отличные ловцы семги и трески; у них много сала, называемого нами ворванью, которая большею частью изготавливается у реки, называемой Двиною. Они ведут также крупную торговлю вываренной из воды солью. В северной части страны находятся места, где водится пушнина: соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностаи и олени. Там добывается рыбий зуб; рыба эта называется морж». Ченслер быстро узнал положение дел в русской торговле и отметил проникновение конкурентов: «У голландских купцов есть там склады». Сообщает он о Новгороде, поставлявшем в Европу лен, коноплю, мед и кожи.

Эти досадные конкуренты доставили Ченслеру и личные неприятности. Во время своего возвращения в Англию он попался в руки голландцев и те дочиста обобрали его корабль, так что Ченслер и его спутники с трудом добрались до Лондона.

В 1555 году Ченслер еще раз приезжал с товарами в Россию. Ему были возвращены товары и корабли, оставшиеся от экспедиции Виллоуби. При возвращении из второго путешествия в Россию корабль Ченслера был застигнут сильной бурей у берегов Шотландии и потерпел крушение, сам Ченслер погиб, но плавания англичан в Белое море продолжались. Путь был проторен.

В 1555 году в Англии образовалось богатое общество, получившее название «Московская торговая компания»^{*}. Она состояла из 191 члена. Очень видную роль в этой компании с первых дней ее основания играли представители английской знати, первые лорды королевства и члены Тайного Совета короля. Члены Московской компании на паевых началах складывали свои капиталы и, согласно паевым взносам, получали доход.

Московская торговая компания получила от Ивана IV право на беспошлинную торговлю с Россией через Белое море. Для Московского государства, с его быстро раздвигающимися границами, все возрастающими естественными ресурсами, установление связей с Англией сулило немало выгод в смысле торгового обмена и культурно-технических заимствований.

Предоставление права беспошлинной торговли было весьма выгодно для Англии, так как быстро обогащало предприимчивых купцов, давая им баснословные проценты на капитал. Английские купцы получили в Москве в свое распоряжение дом на Варварке, неподалеку от торговых рядов, и право иметь торговые конторы в Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске.

В ответ на разрешение беспошлинной торговли английское правительство обязалось беспрепятственно отпускать в Россию ремесленников и художников и предоставило свободу торговли русским купцам в Англии. Но этим правом русские купцы не могли воспользоваться, так как у них еще не было морского флота.

^{*} Деятельность компании подробно описана в книге И. Любименко. «История торговых сношений России с Англией», Юрьев, 1912.

О том, как вели себя иногда английские купцы, можно судить по тому, что английскому правительству и компании не раз приходилось давать указания своим агентам: уважать национальные обычаи русского народа. Так, в 1575 году королева Елизавета выражала удивление некоторым своим подданным в том, что «они так мало уважают себя и так мало заботятся о своем благополучии» — обнаруживая подчас презрительное отношение к русскому богослужению. Но у других это уважение достигло уже таких размеров, что, по словам И. Любименко, «есть сведения, что при Грозном некоторые англичане, поступив на службу к царю, крестились, конечно, из экономических соображений».

Англичане быстро обжились в России, о чем говорят их письма, в которых они начинают вставлять русские слова и выражения, например, глагол «пожаловать». Им приходилось считаться с ростом русского государства. Если в конце царствования Грозного английский посол дерзал входить к царю не снимая шляпы, то теперь, по прошествии нескольких десятилетий, члены и агенты общества, величающие себя уже, по русскому обычаю, по имени и отчеству, называют себя «верными холопами царя» и не только «кланяются ему в полном подчинении», но и «со смирением склоняются под его ноги» *.

Изучив течение Двины и Волги и организовав свои торговые конторы в ряде русских городов от Холмогор до Астрахани, англичане начинают настойчиво хлопотать у русского правительства о разрешении установить транзитную торговлю с Персией и Средней Азией, что дало бы им возможность получать персидский шелк-сырец дешевым и безопасным путем.

Получив разрешение, английский купец и путешественник Антон Дженкинсон в 1558 — 1560 годах предпринимает путешествие в Среднюю Азию и достигает Бухары, а в 1561—1564 годах он проникает в Персию. В 1568 году первый английский караван пересек Кавказский хребет и открыл торговлю с Персией в Казвине.

Вслед за англичанами с 1557 года через Белое море завязывают обширную торговлю с Россией Голландия и другие западноевропейские государства. Подобно англичанам, голландцы имели свои торговые дворы в Москве, Архангельске и Холмогорах.

* И. Любименко, История торговых сношений России с Англией, Юрьев, 1912, стр. 65.

Между английскими и голландскими купцами шла постоянная борьба из-за стремления более выгодно продать и купить товары. Год от году конкуренция между этими двумя морскими державами становилась все ожесточеннее.

Роль нашей северной торговли для голландцев в их общем товарообороте казалась на первый взгляд небольшой, так как голландская торговля к этому времени раскинулась по всему миру. Из шестнадцати тысяч голландских судов, бороздивших воды океанов всего мира в 1609 году, в Россию пришло только двадцать, но эти двадцать кораблей привезли ёмкий и дорогостоящий груз: пряности и узорочье (драгоценности), канитель, шелка, материалы для золотошвейного дела, дорогие сукна, оружие, боеприпасы, сахар, бумагу, фарфор, свинец, порох и многие другие товары. Наибольший спрос русское правительство предъявляло к англичанам и голландцам на оружие и боеприпасы. Эти товары полностью шли для казны.

Предметами вывоза из России в западные страны служили: воск, сало, кожи, хлеб, масло, ворвань, меха пушных зверей, лен, пенька, мясо, канаты, кость и мачтовый лес, а позднее и пиленые доски. Из приведенного перечня товаров, вывозимых из России, видно, что она продавала преимущественно сырье для развивающейся промышленности в западноевропейских государствах.

Не довольствуясь этой обширной торговлей, английские и голландские купцы все время помышляли о развитии через Россию огромной торговли со всем Востоком. Монопольная торговля с Россией представлялась одному английскому купцу первым этапом монопольной торговли со всеми азиатскими странами—от Персии до Индии и Китая. «Великобритания может стать складом восточных товаров, откуда они могут быть рассеяны по Франции, Германии, Нидерландам, Дании, к великому использованию нашего флота и к значительному увеличению количества как привозных, так и вывозных пошлин» * — мечтали английские купцы. Наряду с этим они были намерены, получать из Московии беспошлинно меха, лес, пеньку, воск, смолу для строительства флота и другие товары.

Но не дремали и голландцы. Их агенты деятельно развешивали московские торговые дела. В этом отношении типична фигура голландского купца Исаака Массы (родился в 1587 году в Гаарлеме). Еще в детстве он прибыл в Москву скром-

* «Чтения в Обществе истории и древн. Росс.», 1874, т. III, стр. 77—78.

ным торговым учеником и стал очевидцем всех исторических событий, волновавших русское государство в конце XVI и начале XVII веков. Не получив никакого серьезного образования, Исаак Масса, однако, приобрел способность «весьма ловко узнавать секреты других лиц» как отождествлялся о нем через много лет граф Яков Делагарди.

Исаак Масса изучил русский Север, Сибирь и пути в Среднюю Азию. Им изданы были две ценные брошюры о Сибири и составлено несколько интереснейших карт и планов*.

Быстрое развитие промышленности в Англии и Голландии вело к увеличению городского и промышленного населения и увеличению спроса на хлеб и другие продукты питания. Закупая большое количество хлеба в прибалтийских государствах, голландцы переплачивали ганзейским купцам значительные суммы денег. Поэтому они все настойчивее ищут новых рынков, с более дешевым хлебом. Один из голландских чиновников Пейкер в докладной записке Генеральным Штатам в 1630 году писал: «С 1560 года мы переплатили 2800 бочек золота, или 280 миллионов гульденов, брошенных за хлеб, купленный на побережье Балтийского моря».

Отсюда богатства остзейцев и поляков**. Далее он доказывал, что надо перенести закупки хлеба из Прибалтики в Россию, где хлеб стоит в три раза дешевле, чем на берегах Балтики.

По решению Генеральных Штатов в 1630 году в Москву была послана специальная делегация Бурха и Фельтдриля. Она имела целью добиться получения от русского правительства прав на бесполошленную торговлю и вывоз хлеба, а также прав на свободный путь в Персию.

Приезжая с товарами в Россию, голландские купцы никак не хотели упустить из своих рук барыши от перепродажи дешевых русских товаров на западных рынках. Об этом говорит такой факт. Один ярославский купец приехал с пушниной в Голландию. Амстердамские купцы, сговорясь, не купили у него ничего. Купец был вынужден вернуться обратно в Рос-

* См. книгу: Исаак Масса, Краткое известие о Московии в начале XVII века, перевод с голландского А. А. Морозова, М. 1937.

Три письма Исаака Массы из Архангельска о положении дел в Московии в 1614 году опубликованы в журнале «Вестник Европы» 1868, январь.

** В. Кордт, Очерк отношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов, 1631; напечатан в сборнике Русского истор. об-ва, т. 116, стр. XXVII—IX, СПб. 1902.

сию, не реализовав своего груза. Едва он вступил на Архангельскую пристань, как те же купцы скупили у него все товары. На упреки русских голландцы отвечали, что это было сделано для того, чтобы русские купцы не ездили к ним, иначе они, голландцы, потеряют свои выгоды.

Льготы, предоставленные правительством английским и в некоторой степени голландским купцам, стесняли развитие отечественной торговли. Поэтому русские купцы не раз подавали правительству прошения об отмене льгот для иностранных купцов и воспреещении им торговать внутри страны.

1 июня 1649 года последовал указ царя Алексея Михайловича, в котором иностранным купцам предлагалось свои товары продавать русскому правительству или русским купцам прямо у города Архангельска, а «к Москве и в города с товарами и без товаров не ездить». Среди мотивов запрещения англичанам ездить внутрь страны для торговли указывалось, что «англичане всею землею учинили большое злое дело — государя своего Карлуса-короля убили до смерти». Однако этот политический мотив был скорее предлогом для устранения монополии, стеснявшей московский рынок, чем действительной причиной.

Новый торговый устав, выработанный в 1667 году, ввел дальнейшее ограничение прав иностранных купцов, запрещая им розничную торговлю и вводя добавочные пошлины за продажу товаров в Москве, усиливая обложение импортного вина и вводя другие строгости. В нем уже явно сквозили идеи покровительства нарождающемуся классу торговой буржуазии.

Вторая половина XVI века и начало XVII века, таким образом, явились эпохой возникновения и развития обширной морской торговли России с Западной Европой через северные моря, так как через другие моря выхода русским товарам на европейские рынки не было.

Выходы к другим морям были под контролем соперников и врагов России. На берегах Черного моря безудержно хозяйничали турки и их вассал — крымский хан, закрывавший выходы в море из Дона и Днепра. На берегах Балтийского моря распоряжались шведы, немецкие рыцари и польско-литовские паны. Устья великих русских рек Невы и Западной Двины находились также в их руках. Это была величайшая несправедливость. Но для того чтобы силой оружия отвоевать себе выходы к берегам Черного и Балтийского морей, надо

было вести длительную и упорную войну с сильными и воинственными соседями, к чему Россия не была еще полностью готова.

Эту задачу пытался разрешить во время двадцатипятилетней Ливонской войны (1558—1583 годы) царь Иван IV, но он еще не смог сломить сопротивления ряда балтийских государств и добиться поставленной цели. И только Петр Великий сумел, по образному выражению Пушкина, «ногую твердой стать при море».

Северные порты Холмогоры и Архангельск долгое время были единственным окном в Западную Европу. Со всей необъятной страны сюда, на Север, везли товары. В Вологде их перегружали с подвод на лодки и дощаники и водным путем, по Сухоне и Северной Двине, везли в Холмогоры. На взморье товары перегружались на морские иностранные корабли и отправлялись в Англию, Голландию, Францию и другие страны Западной Европы.

Русско-английские торговые отношения чрезвычайно волновали некоторые соседние с Россией государства. Уже в самом начале англо-русской торговли один из служащих «Московской компании» Фома Аляков в 1558 году, возвращаясь сухим путем в Англию, был схвачен в Польше, где его продержали в тюрьме два месяца, обвиняя в провозе оружия в Россию.

Многих иностранных правителей вообще волновала самая мысль о росте какого-либо могущества, культуры и техники русского народа. Польский король Сигизмунд между 1566 и 1569 годами несколько раз посылал английской королеве письма, призывая ее не способствовать росту могущества русской державы, запугивая и застрашивая, что мало еще известные в Европе москвиты представляют большую опасность для всей Европы. «Это не только временный враг короны польской, но и враг наследственный всех свободных народов» — писал Сигизмунд о России. Он прямо указывал, что если русских побеждали, то только потому, что этот «народ был невежественен в художествах и незнаком с политикой».

Иностранные государства не пропускали в Россию иноземных специалистов, задерживали их, чинили всяческие препятствия, даже бросали в тюрьму. Когда в 1549 году из России посылали за мастерами в Европу, то из нанятых ста двадцати трех человек почти ни один не пробрался в Москву. Все они были перехвачены Польшей. В 1569 году

французский посол, живший при датском дворе, но проявлявший большой интерес к России, жаловался двору, что пытавшиеся пройти в Нарву французские торговые корабли подверглись нападениям со стороны поляков.

Открытие ворот Российского государства на Беломорском севере срывало все попытки отрезать и изолировать Россию от остального мира, не допустить русских к овладению всеми достижениями европейской техники и науки, задержать историческое развитие великого и талантливого русского народа.

Цари Федор Иванович и Борис Годунов продолжали поддерживать оживленную торговлю с западными государствами.

Английским послом при царе Федоре Ивановиче был доктор права Кембриджского университета Джильс Флегчер (1549—1611), приехавший в Москву в 1588 году. Внимательно изучив быт, нравы и социальный уклад Московии, он написал в 1591 году свою знаменитую книгу «О государстве русском», содержащую ряд интересных материалов о политическом и общественном строе России.

В 1619—1620 годах на Архангельском севере было записано несколько русских народных песен для любознательного английского бакалавра Ричарда Джемса. Это исторические песни о смерти Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, о судьбе несчастной дочери Годунова Ксении и другие, сложившиеся в народе под впечатлением недавних событий. Песни проникнуты замечательным лиризмом, особенно посвященная горестным переживаниям царевны Ксении.

Песни, собранные для Ричарда Джемса, интересны не только тем, что записаны «по горячим следам» и восстанавливают для нас народные произведения в их первоначальной красоте, но и тем, что это почти единственные записи фольклорных произведений того времени*.

Английские путешественники, купцы и мореплаватели не только интересовались коммерческой торговлей, изучением культуры и быта русского народа. Они нередко подумывали нельзя ли прибрать к своим рукам богатый Беломорский север и Кольский полуостров. В то время, когда польско-шведские интервенты в 1607—1612 годах пытались поработить русский народ, в кругах торговой английской буржуазии

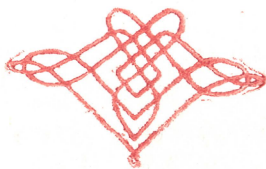
* См. П. К. Симоны, Великорусские песни, записанные в 1619—1620 годах для Ричарда Джемса на крайнем Севере Московского государства, СПб., 1907.

в 1612 году вынашивались планы установления протектората Англии над русским Севером и Поволжьем. Наряду с восточными товарами английские купцы получили бы из этих владений беспошлинно огромное количество ценных товаров.

То, что было завуалировано в дипломатических письмах и переговорах английских дипломатов с московскими царями, обнаруживается в этом проекте без прикрас.

Огромные территории Московского государства, от Архангельска до Астрахани, англичане мыслили превратить в свою колонию. Им рисовались через Каспий пути для проникновения в страны Ближнего Востока.

Русский народ, руководимый нашими великими предками — Мининым и Пожарским, изгнал польско-шведских интервентов из пределов своей Родины. Планы английской торговой буржуазии о создании новой колонии также оказались построенными на песке.

XI. ПЕРВЫЙ ПОРТ РОССИИ

Морские иноземные торговые суда по причине большой осадки и мелей на Северной Двине не могли летом подниматься до Холмогор, расположенных в ста двадцати километрах от моря. Встал вопрос о подыскании новой стоянки и пристани для морских судов. В 1584 году на урочище Пурнаволок была найдена удобная и глубокая гавань.

В том же году воевода Нащокин по высочайшему указу царя Ивана IV основал новый город. Первое время вновь основанный город находился в ведении холмогорского воеводы и назывался Новые Холмогоры. Только в 1613 году он получил название Архангельск.

Царской грамотой от 1587 года в новый город было поселено сто тридцать семейств. В грамоте говорилось:

«И жить им на посаде, в новом Холмогорском городе торговати, а корчемного питья и приезду лихих людей у себя не держати, и никаким воровством не воровати, а с немцами приезжими не дружити, и товаров у них заморских на встрече и у города таем не покупать, и в государственных ни в каких делах хитрости не чинити».

Первые посадские жители были освобождены на пять лет от всяких податей для того, чтобы могли обстроиться и обзавестись хозяйством.

О внешнем облике Архангельска мы можем судить по сообщению двинского писца Мирона Вельяминова, проводившего перепись в 1623 году. На высоком правом берегу Двины стоял деревянный острог, окруженный глубоким рвом. За его стенами были укрыты: монастырь, дом воеводы, дом городского приказчика, подворья Сийского и Соловецкого монастырей, сто мирских избушек и одиннадцать обывательских амбаров. Город часто опустошали пожары, и он выгорал почти дотла.

В 1637 году пожар уничтожил половину города и весь Михайло-Архангельский монастырь. В 1664 году пожаром был полностью уничтожен стрелецкий посад, а в 1667 году выгорели немецкий и русский гостиные дворы, таможня и несколько церквей.

Для предотвращения пожаров часто издавались правительственные указы, в которых наказывалось жителям, «чтобы печи были бы крепкие с напыльниками и железными заслонами, а продушин бы среди печей не было и на всех дворах и на поварнях, и на амбарах, и на лавках поставить кадки с водою и помела, чтобы от пожара было спасно; пива безъязвочно не варили б и вина не курили б, и в вечеру с огнем поздно не сидели, а по улицам в ночи никакие б люди не ходили, а буде учнешь что делать не по сему указу, за то тебе быть в великой опале, а целовальникам и стрельцам в жестоком наказании без всякой пощады *.

Но, несмотря на такие строгости, противопожарные мероприятия проводились плохо, и пожары попрежнему оставались страшным бичом города.

В 1668 году по указу царя Алексея Михайловича в Архангельск были наряжены из Москвы находившиеся на русской службе два иноземных архитектора: Петр Марсалис и Виллием Шарф. Им было поручено подыскать место для постройки каменного города и начать возведение городских стен.

Начатое этими архитекторами строительство длилось шестнадцать лет и было закончено в 1684 году. В докладной записке о завершении этого строительства сообщалось: «где прежде стояли гостиные дворы, вновь сии дворы и около оных городские стены с успехом совершены».

Новые гостиные дворы представляли собой величественное четырехугольное здание, замыкаемое четырьмя башнями по углам и с двумя башнями, расположенными по середине на западной и восточной сторонах. Подступы со стороны реки прикрывал высокий земляной вал и палисад. Часть этого здания сохранилась и до наших дней — помещение, занимаемое сейчас типографией и редакцией газеты «Правда Севера».

Местные жители и горожане жили лавочной торговлей, ловили рыбу, занимались мелким ремеслом, а также получали доходы от постоев во время многолюдного съезда на летнюю городскую ярмарку.

* Двинская летопись, стр. 28—29.

Крупную торговлю в городе вело немногочисленное купечество. Среди них были иностранцы, жившие в особой так называемой Немецкой слободе*, расположенной на берегу Северной Двины, к северу от гостиных дворов (район между современными улицами Свободы и Ломоносова).

Решающую роль в развитии северного порта сыграло трехкратное посещение Архангельска Петром I.

Русский Север, безбрежный простор ледовых морей с юношеских лет манил к себе этого великого государственного деятеля. В «Морском регламенте» Петр I вспоминает историю рождения русского флота, свои первые шаги по созданию морской мощи России.

«Несколько лет исполнял я свою охоту на озере Переяславском, наконец, оно стало для меня тесно, ездил на Кубенское озеро: оно было слишком мелко. Тогда я решил видеть прямо море и просить позволения у матери съездить в Архангельск. Многократно возбраняла она мне столь опасный путь, но, видя великое желание мое и неотменную охоту, нехотя согласилась, взяв с меня обещание в море не ходить, а посмотреть на него только с бережка».

В 1693 году Петр совершил первую поездку на Беломорский север и посетил город Архангельск. В это дальнейшее путешествие он выехал 4 июля, а в Архангельск прибыл 30 июля. В свите царя были князья: Ф. Ю. Ромодановский, Б. А. Голицын, Ф. И. Апраксин, И. И. Бутурлин, генерал Лефорт, восемнадцать стольников, дьяки Зотов, Виниус и Войнов, восемь певчих, двое карлов — Ермолай и Тимофей, сорок стрельцов при трех капитанах, десять солдат из потешного полка. Таким образом вся свита и ее охрана насчитывали сто пять человек.

Между Холмогорами и Орлецом 27 июля царь был встречен архангельским воеводой А. А. Матвеевым. 28 июля в Холмогорах Петра и свиту торжественно встретил архиепископ Афанасий, вышедший навстречу с иконами, при колокольном звоне и пушечной пальбе из тринадцати орудий.

29 июля царь выехал из Холмогор. 30 июля во втором часу пополудни стоявшие на набережной архангелогородские стрельцы стали палить из пушек и ружей. Мимо города медленно плыл по Двине царский струг. На палубе стоял Петр в камзоле сержанта Преображенского полка. За царским

* «Немцами» в те времена называли всех иноземцев без разбора, за исключением поляков.

стругом шли десятки больших и малых лодок. Вся Двина пестрела парусами. Во всех церквях города звонили в колокола, разряженный народ толпился на берегу. Всем хотелось увидеть царя, впервые в истории посетившего Север.

Петр и его свита остановились на расположенном ниже города Мосеевом острове, где для них был построен небольшой деревянный дворец, погреб и поварня. Пребывание Петра в Архангельске сопровождалось пышными празднествами с фейерверками и пушечной пальбой.

В это время в порту стояло на якоре несколько иностранных кораблей под английскими и голландскими флагами. Все суда были уже нагружены товарами и готовились к обратному рейсу. Устроив торжественный прием в честь иноземных моряков, царь решил непременно проводить их в море, посмотреть на плавание настоящих кораблей по морским просторам.

Караван иностранных судов под прощальные салюты снялся с якоря 4 августа и при попутном ветре лег на обратный курс. Петр с несколькими помощниками отплыл вместе с караваном. Он совершал свое первое путешествие по морю на яхте «Святой Петр». Большая часть свиты, побаивавшаяся морского путешествия, отказалась от этой прогулки.

Миновав дельту с ее низкими зелеными островами, суда вышли на морской простор. Наконец-то Петру удалось увидеть глубокое и бурное Белое море. Морская стихия пленила его навсегда. Петр решил приложить все силы к тому, чтобы отсталую Россию превратить в великую и сильную морскую державу.

Проводив иностранные корабли до Терского берега, он простился с ними близ устья реки Поноя, у трех островов и 10 августа вернулся в Архангельск.

В одежде простого шкипера он расхаживал по корабельным пристанищам, внимательно приглядывался к иноземным судам, заводил разговоры с моряками, пылливо расспрашивал их о морских обычаях, изучал мореходное дело и кораблестроение.

На севере Петр загостился дольше, чем предполагал. Напрасно мать умоляла его скорее вернуться в спокойную Москву с ее тихой и медлительной жизнью, неторопливым «малиновым» звоном колоколов. Наталья Кирилловна просто-душно писала сыну, что нельзя дожидаться всех кораблей. «Ты, свет мой, видел, которые прежде пришли, чего тебе, радость моя, тех дожидаться!» Петр как мог успокаивал мать в ответных письмах: «По письму твоему, ей-ей, зело печалился,

потому тебе печаль, а мне какая радость? Пожалуй, сделай меня бедного без печали — сама не печалься. Я истинно не заживу».

10 сентября в порт пришли за товарами гамбургские корабли. Петр тотчас же отправился их осматривать и щедро одарил капитанов и всех матросов, а генерал Лефорт дал пышный праздник в честь иностранных моряков, по обыкновению сопровождавшийся пушечными салютами.

Задумав следующим летом еще раз посетить Архангельск, Петр назначил архангельским воеводой своего друга Федора Михайловича Апраксина (позднее стал первым русским адмиралом) и дал ему наказ купить в Голландии один корабль, а один корабль построить к следующей навигации на создаваемой Морским ведомством Соломбальской кораблестроительной верфи.

Побыв на севере пятьдесят дней, Петр 19 сентября, по настойчивой просьбе матери Натальи Кирилловны, выехал в обратный путь в Москву.

«И так, — рассказывал сам царь впоследствии, — в 1693 году был у города, и от города ходил на море до Поноя с английскими и голландскими купеческими кораблями и одним голландским конвоем, которым командовал капитан Голголсен, а мы были на своей яхте, именуемой «Святой Петр»*.

Летом 1694 года Петр вторично побывал в Архангельске, снова плавал по Белому морю, посетил Соловецкий монастырь. На обратном пути из Соловецкого монастыря судно, на котором находился царь, попало в сильный шторм. Волны стали захлестывать его. Гибель казалась неизбежной. Паруса убрали. Буря не утихала. Петр сам стал к рулю. Но монастырский кормщик Антип смело отстранил его: «Коли ты отдал мне руль, так не мешай», — сурово сказал он царю. Петр молча отошел. Кормщик смело повел корабль через узкий проход между двумя рядами подводных скал. Корабль благополучно достиг берега. Выйдя на берег, Петр шутливо напомнил лоцману: «А помнишь, как ты отдела меня?» Лоцман упал в ноги Петру, прося прощения за свою дерзость. Но Петр сам поднял его, трижды поцеловав, сказал: «Ты был прав, а я виноват. И впрямь вмешался не в свое дело»... Петр подарил ему лоцманский кафтан, дал двадцать пять рублей и на всю жизнь освободил от монастырских работ.

* Устрялов, О высочайших происшествиях, стр. 20.

Для того чтобы защищать город от нападения с моря, в 1694 году Петр издал указ о построении на взморье «Ново-двинской» крепости. Крепость основана в пятнадцати километрах ниже Архангельска, на острове Линской Прилук, у Корабельного устья. В указе говорилось: «Неприятельских людей в Двинские устья не пропускать и города Архангельского и уезду ни до какого разорения не допускать».

Крепость строили не мешкая. Тысяча восемьсот крестьян из ближних и дальних двинских деревень были обязаны заготавливать камень, рыть рвы, строить жилые дома. Из Москвы были присланы мастера для возведения каменных стен и бастионов.

Число рабочих, занятых на строительстве крепости, достигало двух тысяч. В сооружении приморской цитадели принимали участие семь городов. «Изба» (канцелярия), ведавшая постройкой крепости, называлась «Семиградской».

В 1700 году Петр I начал войну со Швецией за овладение русскими восточными берегами Балтийского моря. Шведы, воспользовавшись тяжелым положением русского государства, в 1610 году захватили исконные русские земли по берегам Финского залива, по Неве и Ладожскому озеру. Здесь они стали сооружать крепости.

Швеция, желая окончательно отрезать Россию от морских путей, посылает в 1701 году эскадру военных кораблей на север, в Белое море. Командование эскадрой было поручено адмиралу Шабаланду.

Через надежных и доверенных людей Петр заранее узнал о намерении шведов, снаряжавших в городе Готтенбурге корабли для нападения на Беломорье. В Архангельск был прислан царский указ, предупреждавший о надвигающейся опасности и запрещающий поморским судам выходить на дальние рыбные промыслы в открытое море к берегам Мурман, Канина и к Святому Носу. Все торговые суда были задержаны в порту, а для заграждения фарватеров были приготовлены брандеры — баржи, нагруженные взрывчатым веществом и подготовленные к тому, чтобы в случае появления вражеской эскадры в протоках реки поджечь их и спустить по течению реки навстречу неприятельским судам. Пудожемское устье было запружено и сделано непроходимым для судов. По берегам возводились земляные укрепления — «шанцы». Отряды стрельцов выехали в Кольский, Пустозерский и Сумский остроги, в Кемь, Мезень и Соловецкий монастырь.

В Архангельск из Холмогор прибыли два стрелецких полка, а из Москвы прислали полтысячи драгун. На Мурманском устье стояла сотня стрельцов, вооруженная пушками, они также построили шанцы. Но все эти укрепления не могли полностью обезопасить город от сильной вражеской эскадры.

Тревожная весть о том, что возможно нападение шведов, исполошила все деревни на побережье Белого моря и на Двине.

Выполняя предписание царя, воевода Прозоровский распорядился снять с фарватера все опознавательные знаки. Лоцманов и всех знающих реку людей переселили со взморья на остров Линской Прилук и в Соломбалу. Вместо лоцманов на острове Мудьюг разместился воинский караул. У каждого прибывшего корабля караул, как это водилось раньше, отбирал сведения о людях и грузе и сверх того отправлял в Архангельск для допроса «лучших людей с корабля». Только после этого корабль получал лоцмана.

Несмотря на строгие запрещения выходить в море, на промысел потянулось немало народу, кто неволей, а кто и по своей охоте. Николо-Карельский монастырь послал своих рыбаков на ранний семужий промысел и на морского зверя, а позже на лов трески и палтусины. Так же поступил и холмогорский архиепископ Афанасий. Чтобы не лишиться свое хозяйство обычного дохода, он отрядил на путину своих рыбаков.

Рыбаки Николо-Карельского монастыря, во главе с лодейным кормщиком Иваном Рябовым промышляли недалеко от острова Сосновца. Вскоре они увидели белое облако, летевшее над клочковатой пеной волн от Терского берега по направлению к рыбакам. Поморы, быстро выбрав ловушки, стали уходить на юг. Но рыболовные суда были неуклюжи и тихоходны. Вскоре стало видно, что это целая эскадра. Два фрегата отделились от нее и пошли за лодками. На мачтах развевались голландские флаги; Рябов не поверил им — голландским «купцам» незачем было преследовать рыбацьи суда*.

Вскоре передовой фрегат подцепил ладью абордажными крючьями, и шведские матросы с мушкетами прыгнули в лодку. Все восемнадцать рыбаков были арестованы и посажены в носовой трюм. Там уже сидели рыбаки, захваченные у Святого Носа и в других местах.

* Излагается по книге А. Ф. Шидловского «Петр Великий на Севере», Архангельск, 1909.

На другой день командир корабля по очереди вызывал на допрос пленников. Через переводчика-шведа, говорившего на коверканном русском языке, рыбакам стало ясно, что шведы отбирают местных жителей, хорошо знающих дельту Двины и ее фарватер. Дошла очередь и до Рябова.

На вопрос капитана, знает ли рыбак здешние места, Рябов отвечал:

— Как не знать! Мы люди здешние, по Белому морю и по рекам с детских лет ходим на промыслы. И не знать нам никак нельзя, когда подлинно известно, где какой берег или какой рыбе ход.

— Ты был старшим на лодке?

— Да!

— А знаешь ли путь к городу?

— Плавал не раз, все мели и перекаты мне ведомы.

По распоряжению адмирала его хорошо накормили и вернули обратно в трюм.

Утром 15 июня эскадра бросила якорь у Мудьюга. Небольшой гарнизон острова во главе с поручиком Крыковым выехал на «досмотр» торговых судов. На корме лодки сидел архангельский посадский человек Дмитрий Борисов. Он исполнял должность переводчика. Карбас был принят на флагманский корабль. Едва караул успел подняться на палубу, как был обезоружен и арестован.

Допросы солдат и побой не дали желанных результатов. Два бота, посланные на остров, вернулись ни с чем. Больше никого на острове не нашли. Лоцманская изба стояла пустой.

То, чего опасался шведский адмирал, полностью оправдилось: Архангельск не был захвачен врасплох. Вести корабли в Двину было некому. Единственная надежда была на доверенного кормщика Рябова.

На другой день по приказу адмирала к городу были направлены два фрегата и яхта. В их задачу входило разведать подход к городу.

Иван Рябов и Дмитрий Борисов были на головном фрегате. Матросы поворачивали штурвал, а Рябов через переводчика давал указания.

Вскоре на горизонте показался Марков остров и слабые очертания строившейся крепости. Наперерез фрегату из-за острова вышла лодка. В ней ехали солдаты Гайдуцкого полка во главе с сержантом Животовским. Они намеревались произвести допрос «голландца». Вскоре с лодки послышался окрик.

на голландском языке. Спрашивали, чей корабль и почему он идет без лоцмана. Один из солдат, сидевших в лодке, увидел на корабле лежавших у борта солдат с мушкетами. Сержант Животовский приказал повернуть карбас обратно. Шведы, приметив, что их обман раскрыт, открыли с обоих кораблей стрельбу из ружей и нескольких пушек.

Гром орудий поднял на ноги гарнизон строившейся крепости. Солдаты Гайдуцкого полка выехали на помощь своему караулу и спасли от пленения раненых товарищей.

Шведы потребовали, чтобы Рябов повел корабль по другому руслу, минуя крепость. Выполняя задуманный план, лоцман для виду согласился.

Разворачивая фрегат, он со всей силой посадил его на мель. Фрегат содрогнулся и на всем ходу стал.

Капитан корабля с бранью и угрозами набросился на Ивана Рябова. Пригрозив расстрелом, капитан потребовал без промедления снять фрегат с банки и вести по фарватеру. Лодейный кормщик спокойно отвечал:

— Вы, господа шведы, думали найти предателей в русской земле? Не было такого и не будет! Я не продаю родины ни за золото, ни за серебро. Я русский и земле, вскормившей меня, буду верен до последнего вздоха!

В это время на крепостной мачте взвился боевой сигнал, проиграл военный рожок, и сразу же со стен крепости грянули пушки. Огонь на первых порах был не метким, но постепенно пушкарки пристрелялись, и ядра стали ложиться все ближе и ближе. Шведы отвечали из всех орудий, но после ряда удачных попаданий ядер в корабль их охватила паника. Отстреливаясь, они стали грузить наиболее ценное имущество с обоих судов в лодки. Прежде чем покинуть фрегат они подошли к чулану, где были заперты два пленника и в открытую дверь залпом разрядили восемнадцать пистолетов.

Вскоре после бегства шведов русские солдаты прибыли на подбитые вражеские корабли. На головном фрегате они обнаружили умирающего от тяжелых ранений Дмитрия Борисова, и тяжело раненного Ивана Рябова, которому была оказана медицинская помощь. Он был перевезен в крепость. Благодаря заблаговременному уходу врача его жизнь была спасена.

Шведский адмирал, узнав о случившемся, приказал поднять якоря и вернуться. По пути позорного бегства враги сожгли ряд поморских селений. Своих пленников и поморов шведы высадили на необитаемом острове в горт Белого моря.

Гарнизон Новодвинской крепости, руководимый стольником Селиверстом Иевлевым и инженером Егором Розеном, в этом сражении проявил свойственную русским людям беззаветную храбрость, захватила два неприятельских корабля и обратила в бегство другие.

Воевода Прозоровский счел действия Ивана Рябова изменой и приказал заковать его в цепи и посадить в острог. Действия стольника Селиверста Иевлева честолюбивый воевода счел нарушением закона, ибо Селиверст Иевлев, будучи штатским человеком, взялся в военное дело без указания воеводы. Иевлев был подвергнут телесному наказанию.

В Москву Прозоровский незамедлительно послал донесение о том, что благодаря его распорядительности и умелым действиям успешно отбито нападение шведского флота на Архангельск.

Получив радостное известие с севера о победе над шведами, Петр написал своему ближайшему помощнику адмиралу Апраксину: «С сим нечаянным счастьем поздравляю вас, где чего не чаяли, бог дал. Зело чудесно, что отразили злобнейших шведов». Петр велел всем участникам сражения выдать награды: офицерам по десять серебряных рублей, а рядовым по рублю.

Фрегат и яхта, искалеченные ядрами, были сняты с мели и приведены в Соломбалу. Среди трофеев было пять флагов, тринадцать исправных пушек, много пороха, ядер, снасти и другое корабельное имущество.

Весной 1702 года снова над Архангельском разливался звон колоколов и гром пушечных салютов. Петр прибыл на многих судах и с большой свитой. Надо было укрепить город, спустить на воду корабли и заложить новые. Царь поселился на Марковом острове и сам взялся за работу. В течение нескольких недель он наблюдал и руководил закладкой бастионов, рavelина, одевал камнем эскарпы и контрэскарпы крепостного рва.

Основание крепости было ознаменовано большим торжеством. Во время праздника кто-то вспомнил про Рябова, с которым воевода не обмолвился ни словом.

Петр захотел повидать храброго помора и расспросить о ходе боя. Оказалось, что архангельское начальство все еще держало Рябова в остроге. Выслушав внимательно ладейного кормщика, Петр наградил его за геройский поступок, приказал выдать лоцманскую одежду и освободил на всю жизнь от государевых повинностей.

Восхваляя героизм Рябова, царь сказал: «Он поступил как древнеримский герой Гораций Коклес» *.

Воевода Прозоровский был смещен и заменен новым. Рябов еще много лет проводил в Архангельск суда.

Домик Петра на Марковом острове имел четыре комнаты и кухню. С 1787 года он был перенесен в Архангельск и стоял здесь на берегу Северной Двины против Большого драматического театра до 1934 года. В 1934 году этот домик был перевезен в город Коломну в Коломенский государственный музей.

В августе 1702 года с отрядом войск Преображенского полка в четыре тысячи человек на тринадцати кораблях Петр вышел из Архангельска в море. Это была скрытная десантная операция обходного типа, замечательный маневр, рассчитанный на дезориентацию шведов.

По Белому морю войска Петра проплыли к Сороке, а оттуда по прорубленной в лесу просеке двинулись на Повенец. Из Белого моря на Онежское озеро перетащили волоком на катках две военных яхты и несколько крупных лодок.

Из Повенца со своими войсками и небольшим флотом через Онежское озеро, Свирь, Ладогу Петр подоспел на помощь Шереметьеву и Апраксину, руководившим в те дни крупными боевыми действиями против шведов. Прибытие самого Петра с подкреплением подняло дух сражающегося войска и решило исход боя. Крепость Орешек была взята штурмом русских войск.

Эта блестящая победа укрепила положение России на подступах к Балтийскому морю. Недаром город, взятый у шведов, Петр назвал ключом к Балтийскому морю.

После отъезда Петра из Архангельска работы по постройке Новодвинской крепости велись ускоренными темпами. Возведение цитадели было закончено в 1705 году. Вновь построенная крепость представляла собой первоклассное военно-техническое сооружение, расположенное в виде квадрата с массивными бастионами по углам. За стенами на северной стороне был построен внушительный рavelин со рвом и подъемным мостом. Внутри крепости разместились церковь, пороховой

* Гораций Коклес — древнеримский герой. Он спас Рим во время борьбы с Парсеной в 507 году тем, что защищал мост на реке Тибр до тех пор, пока он не был разобран римлянами. После этого, раненый, бросился в реку и переправился на другой берег к своим товарищам.

погреб, два каменных дома и деревянные солдатские казармы. Под стенами в северо-восточном углу был проложен подземный выход на ров.

Новодвинская крепость закрывала вражеским судам подход к городу с моря по широкому рукаву дельты.

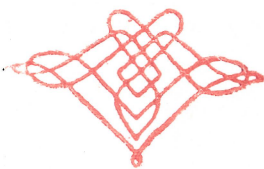
У деревни Лапоминки, там, где вливается в море правый рукав Двины — река Кузнечиха, были насыпаны курганы песку и на них установлены пушки. Это вспомогательное укрепление имело своей целью закрыть подход к городу вражеским кораблям по Кузнечихе и Маймаксе, в обход крепости.

С 1708 года Архангельск становится губернским портовым городом, административным, хозяйственным и политическим центром огромного Севера.

Торговля России через Архангельск увеличивалась из года в год. Если в 1600 году в порт пришел двадцать один иностранный корабль, то в 1715 году к причалам Архангельского порта уже швартовалось двести торговых судов разных стран мира.

Летом в Архангельск съезжались купцы из Москвы, Ярославля, Перми, Вологды, Каргополя и других городов. Во время летней ярмарки они покупали иностранные товары и продавали свои.

До возникновения северной столицы — Петербурга Архангельск был оживленным торговым центром России, связанным морским путем с Западной Европой.

ХИ. НАЧАЛО КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ НА СЕВЕРЕ

Петр I понимал, что для утверждения России на море необходимо создать сильный, могущественный флот. Для этого нужно было организовать отечественное кораблестроение.

Изучать корабельное дело Петр сам в 1697 году ездил за границу — в Голландию и Англию и посылал в Западную Европу многих дворян учиться морскому делу. 27 января 1701 года Петр издал указ о создании в Москве школы Математических и навигацонных наук. Программа этого учебного заведения далеко выходила за рамки практических нужд флота. Это было первое светское училище в России. Оно готовило учеников не только для службы во флоте. Отсюда набирались ученики в артиллерию и инженерные школы, отсюда же выходили и чиновники гражданской службы.

Вначале штат учеников был определен в двести человек, а через год их число было доведено до пятисот. В письмах к Апраксину Петр указал: «хотя бы и слишком набрали и размножили, понеже сами можете судить, какая в том есть польза, что не токмо к морскому ходу нужна сия школа, но и артиллерии и инженерству».

Для школы отвели помещение в Зарядье, а затем в ее распоряжение была передана Сухарева башня. Среди первых учителей школы был Леонтий Магницкий, один из образованнейших людей того времени. За время преподавания в школе он написал в 1703 году первую арифметику на русском языке, по которой учились многие поколения русских моряков.

В 1715 году указом Петра в Петербурге было создано новое учебное заведение «Морская академия», или как ее называли, «Академия морской гвардии». Навигацонная школа в Москве осталась подготовительным учебным заведением.

Родиной русского кораблестроения стал наш Север.

Первыми отечественными кораблестроителями были русские люди — Федор и Осип Баженины, владевшие в Холмогорах, в восьмидесяти пяти километрах выше Архангельска, водяной пильной мельницей, оборудованной по западноевропейскому образцу.

Баженины получили от Петра I жалованную грамоту, закреплявшую за ними мельницу и лесопильню. В грамоте говорилось: «Ему, Баженину, разрешается пользоваться мельницами в Двинском уезде, в старой его деревне Вавчуге построенными, и заводами владеть, на тех мельницах хлебные запасы и хлеб растирать и продавать на Холмогорах и у Архангельска города русским людям и иноземцам, а с отправляемых в море досок платить пошдины по 26 алтын по 4 деньги со ста досок» *. Таким образом пошлина составляла восемьдесят копеек с сотни.

В 1693 году Петр, проезжая из Вологды в Архангельск, заехал в Вавчугу, осмотрел мукомольную и пильную мельницы и горячо похвалил рачительных хозяев за их предприимчивость. В беседе с Бажениным царь подал мысль о постройке здесь кораблестроительной верфи.

В 1694 году, во вторую свою поездку на север, Петр снова посетил Вавчугу, где осмотрел начатые братьями Бажениными работы по строительству верфи. Он пожаловал Федору Баженину звание корабельного мастера и одновременно вручил льготную грамоту. В ней говорилось, что Федора и Осипа Бажениных во время их занятия кораблестроением «в наши, великого государя, службы выбирать и в посылки посылать мы, великий государь, не указали, дабы корабельному делу остановки, а им убытку никакого не учинилось».

Кроме того, на средства государства Петр приказал построить в Соломбале кораблестроительную верфь. Скоро на этом низком острове были возведены производственные и служебные постройки северного адмиралтейства. Рядом с ними вдоль берега Двины стали возникать жилые дома морской слободы, где жили семьи моряков и рабочих кораблестроительной верфи.

Первый русский торговый корабль с грузом смолы, поташа, пеньки, рыбьего жира, клея и икры был отправлен за границу в 1693 году под голландским флагом, но уже следующие

* А. Ф. Шидловский, Петр Великий на севере, Архангельск, 1909.

корабли гордо понесли через все моря и океаны мира государственный флаг России, утвержденный Петром в 1694 году.

В 1702 году Петр в третий раз посетил Вавчугу, где при нем русскими и голландскими мастерами были спущены со стапелей на воду два фрегата — «Курьер» и «Святой Дух» и заложен четвертый корабль (третье судно «Меркурий» стояло на стапелях и было готово наполовину).

Сложное искусство строительства морских судов быстро освоили десятки замечательных мастеров, вышедших из самых недр богато одаренного русского народа. Одним из таких народных талантов был ровдогорский крестьянин Степан Тимофеевич Негодяев. Он строил корабли по собственным чертежам со многими усовершенствованиями. Построенные и оснащенные им суда отличались высокой устойчивостью на воде, легкостью управления и быстроходностью под парусами.

Иностранные купцы признавали высокое мастерство Степана Негодяева и охотно давали ему заказы на строительство судов для плавания по океанам. За тринадцать лет мастер-самоучка построил для англичан двенадцать судов. Степана Негодяева не раз приглашали на работу в Англию и Голландию, но горячо любящий родину русский мастер вежливо благодарил иностранцев и неизменно отвечал:

— Своей работой я весьма доволен. За большим доходом не гонюсь и мастерство свое ни за какие деньги не продам. Я русский человек и работаю не только для себя, а и для отчизны своей.

Вавчугская верфь стала колыбелью русского судостроения и лесопиления. На ее стапелях строились огромные по тому времени корабли — до сорока метров длины, предназначенные для китобойного промысла и плавания к берегам далекого Груманга (Шпицбергена). Около восьмидесяти лет существовало вавчугское судостроение.

Соломбальская государственная верфь просуществовала сто пятьдесят лет. За это время на ней было построено 152 линейных корабля, 81 фрегат, 62 торговых судна, в том числе самый большой корабль — «Ингерманланд» и несколько сот мелких судов.

Петр I интересовался не только строительством морских судов, но и мореходными качествами их. Он издал несколько указов, предлагая строить корабли наиболее прочных типов.

В Указе от 23 декабря 1714 года говорится: «По получении сего Указа, объяви всем промышленникам, которые ходят в море

для промыслов своих на лодьях и кочах, дабы они вместо оных судов делали морские суда: галлоты, гукоры, флейты, каты, кто из них хочет и для того дается им срок (пока они новыми судами морскими не исправятся) на старых судах ходить только два года, а по нужде три года, а по прошествии того срока, чтобы старые суда все перевести и для того ныне вновь кочей и лодей делать не вели под штрафом».

Иными словами. Петр просто запрещал поморам ходить на морские промыслы на устаревших, ненадежных судах, предлагая вместо них строить новые, обладающие лучшими мореходными качествами.

Вся деятельность Петра I. направленная к расширению внешней торговли России, стремление перенять передовой опыт западноевропейских стран и развить молодую отечественную промышленность — была прогрессивной для России.

В. И. Ленин, давая оценку обширной и разносторонней деятельности Петра I, говорил:

«Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» *.

Товарищ Сталин в беседе с немецким антифашистским писателем Эмилем Людвигом, сказал:

«Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры».

Усилия Петра I, направленные на всемерное развитие судостроения и других отраслей промышленности Беломорского севера не были поддержаны его наследниками. Это и было одной из причин медленного развития экономики края в XVIII и XIX веках.

В наши дни на Севере волею большевистской партии и советского правительства заново создается мощная судостроительная база, призванная обеспечивать все потребности Северного военно-морского флота, обслуживание нужд рыболовной промышленности и торговых связей с государствами Западной Европы и Америки. Потомки первых русских кораблестроителей поднимают величие отечественного флота на новую, более высокую ступень.

— * Ленин, том XXII, стр. 517.

ХІІІ. КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА

Наш Беломорский север в течение многих веков был отрезан от центральных районов родины тысячеверстными пространствами, топкими болотами и дремучими таежными лесами. Однако здесь так же, как и в центральных областях Руси, развивалась богатая и своеобразная народная культура.

В любой северной деревне еще в наши дни можно увидеть дома с «прорезными» или «расписными» наличниками, тончайшими резными украшениями у крылечек. Северная крестьянская изба еще не так давно представляла собой своеобразный музей кустарного ремесла с «кроснами», поставленными на резные ножки. «прясницами», расписанными затейливыми узорами, с чеканными или расписными бураками, берестяными туесами, столешниками, набелухами и другими предметами домашнего будничного и праздничного обихода.

Народное рукодельное искусство Севера богато разнообразными старинными узорами. Помимо причудливых и замысловатых орнаментов и виньеток встречаются разные рисунки на мифологические темы. Эти же рисунки тк^ут^{ся} и вышиваются девушками на «столешниках» и «рушниках». Во всех сюжетах чувствуется большая сила и красота, от них веет самобытностью Севера.

Не для рынка и музея готовили северяне эти предметы. Они вырабатывали их для своего домашнего обихода: в «бураках» они держали квас, несли на рынок молоко и сметану. На «прясницах» — пряли нитки из кудели, на «кроснах» ткали портна и пестряди. Искусство служило украшением жизни самого народа.

Но, несмотря на то что все эти бураки, столешники, рушники употреблялись в повседневном обиходе, изготовление их с XIX века уменьшалось из года в год, уступая место

более дешевым фабричным изделиям. Вместе с мастерами вымирали рисунки и техника их расцветки разными красками. Некоторые виды искусства, под влиянием промышленного развития, почти совсем уже вымерли. Это прежде всего сканное, или филигранное дело, изготовление финифти, отливка изразцов для печей, золотошвейное дело и вышивание по писаному.

Несколько веков назад одним из центров этих замечательных ремесел был город Сольвычегодск. Здесь, в Соли Вычегодской, в строгановских мастерских с давних времен было развито изумительное по тонкости выполнения и красоте ремесло — шитье золотом — расшивка церковных риз и женских головных уборов.

Особенно надо остановиться на таких редких ремёслах, как чернение по серебру и резьба по бересте, получивших большое развитие в Великом Устюге, и художественная резьба по кости в Холмогорах.

Благодаря своевременной заботе советского правительства эти художественные ремёсла в наши дни начинают постепенно возрождаться и давать произведения, пользующиеся заслуженной славой далеко за пределами нашей родины.

В Великом Устюге в течение нескольких столетий жили мастера, славившиеся чернью по серебру, филигранью, финифтью, изразцами, чеканом и золотым шитьем. Секреты своего искусства они передавали своим сыновьям и внукам и только из-за этой скаредности унесли в могилу много опыта, накопленного веками. В наши дни М. П. Чирков обучил секрету этого редкого искусства немало молодых способных мастеров и положил начало возрождению исчезающих ремесел. От него искусством чернения по серебру в совершенстве овладела М. А. Угловская. Сейчас Великоустюгская артель объединяет сто двадцать мастеров и учеников, занимающихся чернью.

Далеко за пределами нашей родины славятся тончайшие работы холмогорских костерезов. На Парижской и Нью-Йоркской международных выставках их экспонаты получили высокую оценку.

В XVII веке в Холмогорах славились искусные мастера резьбы по кости Семен и Евдоким Шешенины, Григорий Носко, Кирилл Салматов. Денис Зубков и Иван Катеринин. Все они выполняли многие заказы на изготовление костерезных изделий для двора царя Алексея Михайловича.

Петр I всячески содействовал расцвету костерезного промысла. В 1697 году, во время путешествия по Западной

Европе, он заказал в Голландии изготовить специальный альбом с рисунками гравюр и орнаментов западных мастеров. Этот альбом был послан в Холмогоры, и мастера-костерезы им широко пользовались при создании новых художественных произведений. Увлечение Петра костяными изделиями повысило спрос на этот род искусства при дворе и в других слоях общества.

В XVIII веке холмогорские костерезы значительно усовершенствовали свое мастерство и многие из них, выполняя заказы купечества и богатых иностранцев, достигли исключительной тонкости работы. Одновременно с этим мастера применили ряд новых технических приемов, стали вырезать барельефы и создали подлинные шедевры костерезного искусства.

В XIX веке резьба по кости в Холмогорах падает. Это объясняется отчасти тем, что на рынке появилось много дешевых фабричных украшений, а отчасти и тем, что правительство не заботилось о сохранении этого искусства. В 1880 году в Холмогорах осталось всего три мастера: Максимов, Бобрецов и Перепелкин. От них технику резьбы по кости усвоили мастера Гурьев, Петровский и Узиков.

Советское правительство уже в первые годы после революции обратило серьезное внимание на эту отрасль народного искусства. В 1921 году были созданы курсы резьбы по кости, а затем организована костерезная мастерская. Мастер В. П. Гурьев воспитал целое поколение молодых мастеров.

За пятьдесят два года работы резчиком Василий Петрович Гурьев создал огромное количество костяных изделий, сотни уникальных вещей, не только из кости, но и из дерева. Гурьев вырезал оленьи упряжки, ненецкие стойбища, дерущихся оленей, медведей, мамонтов, львов, соколиную охоту. Его рукой вырезаны тончайшие барельефные портреты М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, В. И. Ленина, И. В. Сталина и исполнено много других высокохудожественных образцов искусства.

В. П. Гурьев был новатором в своем деле. Он постоянно искал новую тематику, но увязывал ее с вековой историей промысла, искал новое в технике. За свои изделия он получил от Академии Наук диплом и ряд грамот от разных выставочных комитетов.

Население Севера веками вырабатывало свой стиль и свои формы деревянного зодчества. Туристов и путешественников, художников и архитекторов, русских и зарубежных искусствоведов поражала причудливая красота северных многоглавых храмов, построенных с удивительным художественным вкусом.

«Россия — страна зодчих» — писал еще до революции Грабарь. Напрасно западные ученые (Викле де Дюк и другие) еще в середине XIX века пытались доказать несамостоятельность русского самобытного зодчества и найти в нем западные влияния. Ныне эти голоса смолкли. Наше северное зодчество, созданное на протяжении многих веков талантливыми русскими мастерами, справедливо заняло одно из почетных мест в истории мирового искусства, наряду с русской иконописью, давшей миру таких живописцев, как Рублев и Ушаков. Немало труда вложили в это художественное развитие и наши северные иконописцы, выработавшие особое так называемое «строгановское письмо».

Русский Север — сокровищница русского героического эпоса. Север сохранил нам наше величайшее национальное достояние — русский героический эпос, давший замечательную галерею защитников Родины — былинных богатырей, носителей лучших черт нашего великого народа, олицетворение его славного прошлого.

Чем объяснить, что побережье Белого моря и бассейны северных рек — Двины, Мезени, Печеры и Онеги — оказались настоящей сокровищницей народной поэзии?

Украина и земли центральных русских княжеств не раз подвергались опустошительным набегам татаро-монголов и других народов. Там великие последующие события вытеснили из народной памяти, из народной поэзии более древние исторические темы, связанные с эпохой Киевской Руси. Наш Север в результате отдаленности от центральных районов, не подвергался вражеским нашествиям так часто, как южные княжества. Его население, образовавшееся путем переселения из разных мест, принесло с собой и сохранило эпические песни, сложенные в X — XIII веках в Киеве, Новгороде и центральных областях Московского государства. В народе эти песни известны под именем «старин». В русской литературе за ними укрепилось название «былинный эпос».

Из века в век передавались старины о подвигах русских богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеша Поповича и Микулы Селяниновича, об их великой борьбе за родную землю на заре русской истории.

Старина, устное народное творчество, заменяло книгу, составляло главнейшее достояние устной русской народной художественной литературы. Только в середине XIX века русская этнографическая наука добралась до истоков этой древней

культуры. сбереженной бесписьменными, не учеными. не бесконечно талантливыми русскими сказителями.

В наше время здесь живут известные сказительницы: орденоносцы М. С. Крюкова, М. Р. Голубкова, А. Е. Суховерхова и другие.

Кроме того Север необычайно богат песнями. Наиболее своеобразным представляется нам район реки Пинеги, где сохранилось много старинных песен, в частности «скоморошин». Пинежское многоголосие принадлежит к величественным созданиям русского музыкального фольклора. В то же время мы отмечаем своеобразный стиль и мастерство песен в Каргопольском, Лешуконском, Мезенском и Шенкурском районах.

Русские северные песни не раз вдохновляли гениальных русских композиторов: Глинку, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова и других. Традиции северного песенного творчества поддерживает хор северной народной песни, организованный в 1927 году в городе Великом Устюге. Обосновавшийся в Архангельске Северный народный хор с неизменным успехом проводил выступления по всему Советскому Союзу, выдвинувшись в число народных хоров республиканского значения.

* * *

Не случайно наш Север дал России первого гениального ученого, поэта и мыслителя — Михаила Васильевича Ломоносова, заложившего основы многих наук, основавшего в 1755 году первый в России Московский Университет. Ломоносов был воспитан богатой северной народной культурой. Деревня Денисовка, где родился и провел юношеские годы Ломоносов, не являлась глухой деревушкой. Это был пригород Холмогор, крупного административного, культурного и промышленного центра Севера. В Холмогорах было много образованных людей. Здесь с 1723 года существовало славяно-латинское училище и певческая школа. Здесь, в Холмогорах, Михайло Ломоносов мог бы получить некоторое образование, но здесь знали, что он принадлежит к податному сословию, а крестьянских детей в такую школу не принимали. Ломоносову пришлось идти в Москву и там под видом холмогорского дворянина поступить в учебное заведение.

Великий Ломоносов в процессе упорной учебы впитал в себя все достижения современной ему русской и мировой науки,

бнес неоценимый вклад в дальнейшее развитие почти всех областей современной ему науки и занял в ней одно из выдающихся мест.

«Архангельский мужик стал разумен и велик», — указывал Г. В. Плеханов, — не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло и то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком, мужиком-поморцем, не носившим крестного ошейника».

По меткому выражению А. С. Пушкина, Ломоносов «создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». В другом месте Пушкин дал еще более яркую характеристику деятельности Ломоносова: «Соединял необыкновенную силу воли с необыкновенной силою понятия. Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минеролог, художник, стихотворец, он все испытал, все проник. Первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытие Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества с мозаическими изображениями и, наконец, открывает нам источники нашего поэтического языка».

М. В. Ломоносов твердо верил в огромные богатства, скрытые в недрах Севера, и звал ученых к практическим исследованиям, говоря: «По многим доказательствам заключаю, что в северных земных недрах пространно и богато царствует натура, и искать оных сокровищ некому»... «А металлы и минералы, — добавлял далее Ломоносов, — сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках».

Ломоносов звал свой народ к знанию и культуре. Он верил в неиссякаемые силы, скрытые в народе, и призывал:

Держайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать;
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

В это же время Север дал России первого выдающегося скульптора — Федота Ивановича Шубина, который был родом, как и Ломоносов, из Денисовки. Шубин, подобно Ломоносову, с большим трудом выбившись «в люди», после долгих лишений

стал первоклассным скульптором, создавшим ряд великолепных бюстов и барельефов, воплотив в них многих исторических деятелей той эпохи. М. В. Ломоносов и Ф. И. Шубин — гениальные сыны великого русского народа, его национальная слава, его гордость.

Одновременно с ними или несколько позже здесь же на Севере воспитывались и многие другие замечательные культурные деятели. Большой вклад в изучение истории Севера внесли В. В. Крестинин и А. И. Фомин, первые краеведы, собиратели памятников старины. Благодаря их стараниям историческая наука узнала о существовании таких замечательных памятников старины, как «Русская правда», «Устав князя Владимира» и «Двинской летописец».

Крестинин был первым автором, написавшим историю городов Архангельска и Холмогор.

ХIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оживленная экономическая и политическая жизнь на Беломорском севере, связанная с кипучей деятельностью Петра I, после его смерти надолго замирает. Архангельск уступает свою ведущую роль более южным портовым городам.

Царское самодержавное правительство вовсе не заботилось о процветании Севера. Оно превратило этот необъятный край в место ссылки лучших представителей народа, борющихся против самодержавия.

Один из архангельских купцов, известный краевед Сидоров однажды подал царскому правительству докладную записку с проектом, как «вырвать север России из его бедственного положения». Тогда приближенный царя Александра II генерал-адъютант Зиновьев ему ответил:

«Так как на севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немислимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштриме, которого на севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные» *.

Так относилось бюрократическое и невежественное царское правительство к освоению богатств Севера.

При советской власти на севере выросли десятки крупных промышленных центров в разных частях Кольского полуострова, Архангельской области, Карело-Финской ССР, Коми автономной республики и Ненецкого национального округа. Города Кировск, Молотовск, Нарьян-Мар, Мончегорск, Воркута,

* А. А. Жилинский, Россия на Севере, Архангельск, 1918, стр. 18.

Чибью и Полярное — прямое свидетельство огромной созидательной работы советского государства.

За годы советской власти Архангельск стал крупным центром лесобрабатывающей промышленности.

Особенно большие изменения произошли за годы трех великих сталинских пятилеток. В порту выстроено большое число первоклассных лесопильных заводов. Первенство среди них принадлежит гиганту лесопиления заводу имени Молотова. Выстроено два крупных бумажно-целлюлозных предприятия.

Заново реконструирована вся судоремонтная база порта и созданы такие предприятия, как судоремонтный завод «Красная Кузница», Лайский док, судовой верфь Главсеврыбсудо-строения, моторостроительный завод, заводы Северного речного пароходства, Севморпути и Северолеса.

Архангельск — это ворота в советский сектор Арктики. Мечта великого Ломоносова претворена в жизнь. Ежегодно караваны морских судов в сопровождении мощных ледоколов и самостоятельно совершают отсюда рейсы через полярные моря, доставляя в арктические становища и порты сотни тысяч тонн промышленных грузов.

Северный морской путь в новой послевоенной пятилетке будет освоен и превращен в постоянно действующую водную магистраль. Недра Севера, таящие в себе запасы угля, железа, цинка, свинца, никеля, соли, флюорита, меди, серебра и нефти, поставлены на службу трудящимся, на службу социализму. Много уже сделано, но еще больше предстоит осуществить в недалеком будущем.

С оживлением экономической жизни Севера изменилось культурное лицо его городов и сел. За последние пятнадцать лет в Архангельске выстроено много школ, клубов, больниц, библиотек и кинотеатров. В Архангельске имеется три крупных высших учебных заведения, стационар Академии Наук СССР, Большой драматический театр, филармония, два десятка техникумов, среди которых морской и судостроительный готовят кадры мореплавателей и кораблестроителей.

Великая Сталинская Конституция обеспечивает всем гражданам право на труд, на отдых, на образование, на счастливую и обеспеченную старость. Труд северян зорко охраняют Советская Армия и Северный Военно-Морской Флот!

БИБЛИОГРАФИЯ

К главе I.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М.—Л., 1938.

История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), М. 1938, стр. 118.

В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Беломорья, Л., 1936.

В. И. Равдоникас, История первобытного общества, т. I, Л., 1939.

П. П. Ефименко, Дородовое общество, М.—Л., 1934.

М. Е. Фосс, Стоянка Кубенино, журнал «Советская археология» 1936, № 6.

В. И. Смирнов, Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области, «Советская археология» 1937, № 4.

К. Рево, Следы доисторического поселения в Архангельской губернии по раскопкам поселений каменного века, Архангельск, 1898.

В. А. Городцов, Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря, М., 1901.

А. Я. Брюсов, Что представляют собою стоянки на Летнем берегу Белого моря, Труды секц. Инст. арх. и искусствозн. РАНИОН, М., 1928.

Н. Голубцов, Архангельский городской музей и его коллекция, Архангельск, 1913.

А. А. Алексеев, Следы древнего человека в г. Архангельске. журн. «Советский Север» 1938, № 3.

А. А. Иностранцев, Доисторический человек каменного века побережья Ладожского и Онежского озер, СПб., 1882.

И. С. Поляков, Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии и долине реки Оки на верховьях Волги.

А. Маслов, К археологии Летнего и Зимнего берега Белого моря, Изв. Арх. общ. изуч. русского севера 1913, № 19.

Трапезников, Первобытное население севера России, Вологда, 1915.

И. И. Фомин, Искусство палеолитического периода в Европе, СПб., 1912.

Д. В. Айналов, Первоначальные шаги европейского искусства. Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929.

К главе II

- К. Ф. Тиандер, Поездки скандинавов в Белое море, СПб., 1906.
С. К. Кузнецов, К вопросу о Биармии, журн. «Этнографическое обозрение» 1905.
Г. Гебель, Биармия и низовья Северной Двины, «Известия Архангельского общества изучения русского севера», 1910, № 11—12.
П. Е. Ефименко, Заволочья Чудь, М., 1885.
Н. Виноградов, Новые лабиринты Соловецкого архипелага, Изд. САСН, 1927.

К главе III

- А. И. Никитинский, История экономического быта Великого Новгорода, М., 1893.
В. О. Ключевский, Русская История, т. II.
А. А. Введенский, Аника Строганов в своем соловычегодском хозяйстве (статья напечатана в сборнике по русской истории), П., 1922.
С. Ф. Платонов, Прошлое русского севера, П., 1922.
И. Лепехин, Записки путешественника (сделанные в 1771 г.), СПб., 1814.
В. Львов, Русская Лапландия, М., 1912.
Н. Харузин, Русские лопари, М., 1890.
Лопари, корелы и поморцы Архангельской губернии, «Северное обозрение», 1849, т. I.
Д. Н. Островский, Лопари и их предания, Изв. имп. русск. геогр. общ., т. XXV, вып. 4, 1889.
В. В. Крестинин, Исторические заметки о Двинском народе древних, средних и новых времен, СПб., 1784.

К главе IV

- А. Пошман, Описание Архангельской губернии, Арх-ск, 1802.
Пятунин, Каргопольщина, Каргополь, 1923.
Кобылин, Холмогоры в прошлом и настоящем, Холмогоры, 1930.
В. В. Крестинин, Начертание истории города Холмогор, СПб., 1790.
Н. Голубцов, К истории города Колы; «Известия Архангельского общества изучения русского севера», 1911, № 1 и 5.
Ф. Добрынин, Прошлое г. Шенкурска и его уезда; «Известия Архангельского общества изучения русского севера», 1910, № 19.
В. Епиклев, Сольвычегодск, В. Устюг, 1926.
Е. К. Огородников, Прибрежье Ледовитого океана и Белого моря по книге большого чертежа, СПб., 1875.
М. К. Сидоров, Север России, СПб., 1881.
М. К. Сидоров, Труды для ознакомления с севером России, СПб., 1882.
А. А. Жилинский, Россия на севере, Арх-ск, 1918.
Челищев, Путешествие по северу России, 1791.
А. В. Тищенко, Из истории Колы и Печенги в XVI в, Журнал Министерства нар. просв. 1912, № 12.

К главе V

- А. А. Савин, Соловецкая вотчина XV-XVII век, Пермь, 1927.
Памятники по истории Великого Новгорода и Пскова, А., 1935 (Сборник документов).

В. О. Ключевский, Русская история, т. II— Акты Сийского монастыря, вып. I, Арх-ск, 1913

Акты Холмогорской и Устюжской епархий, «Русская историческая библиотека», т. XII, XIII и XX.

К главе VI

Н. Костомаров, Северное русское народопразвство.

С. Приклонский, Народная жизнь на севере, М., 1884.

Е. Барсов, Палостров, его судьба и значение в Оболенском крае, Чтения в Моск. общ. ист. древней России», кн. I, М., 1863.

Первая Новгородская летопись по Синод. харатейн. списку, СПб., 1846.

Писцовые книги Оболенской пятины, Л., 1930.

А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV века, СПб., 1903.

Н. Камкин, Архангельские карелы, «Древняя и новая Россия», 1888, № 2.

Н. С. Часов, Северные грамоты XV в., «Летопись занятий Археогр.-физической ком.», вып. 35, Л., 1929.

К главе VII

А. Я. Ефименко, Крестьянское землевладение на Севере, М., 1834.

Боголюбов, Экономический быт крестьян севера, М—П., 1845.

И. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, М., 1867.

М. А. Островская, Земельный быт крестьян севера, П., 1919.

М. А. Островская, Строй русской деревни XVII—XVIII вв., Журнал Мин-ва нар. просв., 1912, № 12.

В. В. Крестинин, Исторический очерк о сельском старинном домостроительстве, СПб., 1785.

К. Любарский, Крестьяне Архангельской губернии в XVII веке, Арх-ск, 1919.

Д. И. Соколов, Крестьянская изба на Севере России, Тотьма, 1924.

А. М. Гневашев, Очерк эконом. и соц. жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, Киев, 1915.

К главе VIII

М. Богословский, История поземельной общины на русском Севере, М., 1862.

М. Богословский, Земское самоуправление на Русском Севере, т. II, М., 1909—1912.

М. Гудовицкий, Из истории землевладения на Севере в XV веке, Журнал «Историк-марксист», 1937, № 2.

К главе IX

И. И. Полескин, Генрих Штаден о Москве Ивана Грозного (Записки вице-опричника), М., 1925.

С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смутного времени, М.

Памятная книжка Архангельской губернии, Арх-ск, 1913.

В. В. Крестинин, Краткая история Архангельска, СПб., 1792.

С. Огородников, Архангельск в торговом и промышленном отношении, СПб., 1890.

К главе X

Ю. В. Готье, Английские путешественники в Московском государстве, М., 1937.

И. Любименко, История торговых сношений России с Англией, вып. 1—XVII вск, Юрьев, 1912 (Документы).

И. Любименко, Сношения России с Англией, и Голландией с 1553 по 1649 гг. «Записки Академии Наук», 1932, № 10.

С. И. Архангельский, Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в., «Исторический сборник» Академии Наук, том V, 1937.

Изюмов, Размеры русской торговли XVII века, «Изв. Арх. общ. изучения русского севера», 1912, № 6.

К главам XI и XII

С. Огородников, Архангельск в торгово-промышленном отношении, СПб., 1890.

С. Огородников, История Архангельского порта, СПб., 1875.

А. Ф. Шидловский, Петр Великий на севере, Арх-ск., 1909.

М. К. Сидоров, Картины из деяний Петра Великого на Севере, СПб., 1872.

Чернышев, Новодвинская крепость, «Арханг. губериск. ведомости» за 1846 год № 22.

В. В. Крестинин, Исторические начатки о двинском народе древних, средних и новых времен, СПб., 1784.

В. В. Крестинин, Краткая история г. Архангельска, СПб., 1792.

«Архангельские губернские ведомости», т. I—II, 1813, Арх-ск.

«Архангельские губернские ведомости» т. I, 1861, Арх-ск.

М. Пирогов, Прошлое Архангельской области, Арх-ск. 1939.

К главе XIII

Н. Озерецковский, Путешествия по озерам: Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена, СПб., 1812.

А. Марков, Беломорские былины, М., 1901.

Е. Ончуков, Северные сказки, СПб., 1908.

А. Д. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, том I, М., 1904; том II, М., 1910.

Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПб., 1904.

Н. Е. Ончуков, Северные драмы, СПб., 1911.

О. З. Озаровская, Бабушкины старины, II., 1916; 2-е изд., М., 1922.

Марфа Крюкова, На зимнем берегу у моря Белого, Арх-ск., 1940 (Запись Бородиной-Морозовой).

Н. Леонтьев, Печорский фольклор, Арх-ск., 1940.

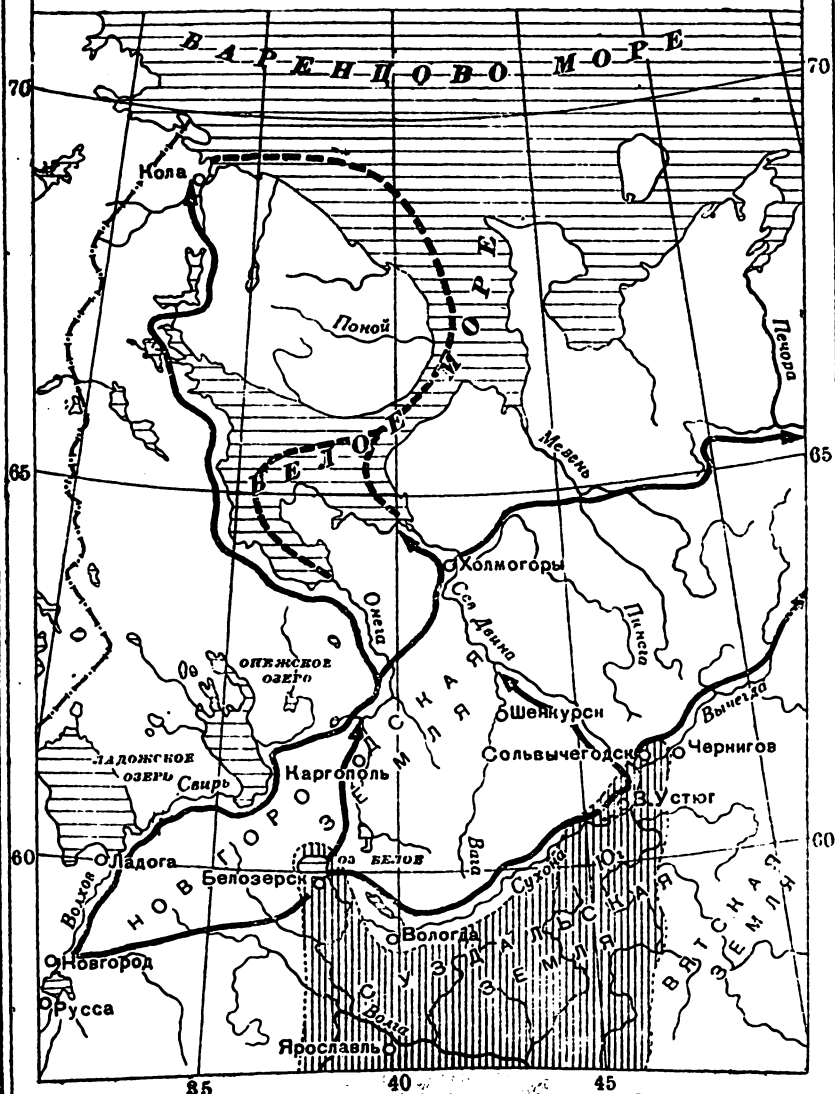
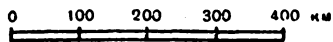
«Былины Севера», Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, т. I—Мезень и Печора, изд. Академии Наук СССР, 1938.

Н. И. Рождественская, Сказы и сказки Беломорья и Пинежья, Арх-ск 1941.

М. С. Крюковой, Былины, том I, Госуд. литер. музей, 1939; том II, 1941. запись Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец.

И. Соколов, И. Томский, Народное искусство Севера, альбом, М. 1924.

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА В XII ВЕКЕ

2 руб.